

# Про зло

Менеджерам нового поколения посвящается

# и бабло

Макс Нарышкин

Никогда не жалея подчинённого, которому сломал карьеру. Этот ублюдок лишь ждёт удобного случая так же поступить с тобой.



Макс Нарышкин

**Про зло и бабло**

«ЭКСМО»

## **Нарышкин М.**

Про зло и бабло / М. Нарышкин — «Эксмо»,

Герман Чекалин, с отличием окончивший юридический факультет, приглашен на работу в огромную корпорацию, производящую недавно изобретенное средство от рака. И сразу же получает высокие бонусы: квартиру в центре Москвы, дорогую машину, солидный счет в банке. Правда, на медосмотре при поступлении на работу у него зачем-то берут серьезные анализы, и вообще с первых дней на новом месте Герман чувствует, как вокруг него сгущается неясная угроза. Но этот парень из тех, кто привык выяснять все до конца. И он очертя голову идет туда, где кроются страшные тайны корпорации и где в конечном итоге вывернется наизнанку его собственная жизнь...

© Нарышкин М.

© Эксмо

## Содержание

Пролог	5
Наговорил земле недобрую весть...	5
Но минуло пять минут, и с тринадцатым...	8
Мучения его подходили к концу, и были они сильнее оттого...	10
Беседы при полной луне...	13
Глава 1	21
Глава 2	25
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

# Макс Нарышкин

## Про зло и бабло

### Пролог

#### *За 12 лет до описанных ниже событий*

#### **Наговорил земле недобрую весть...**

...вечер числа 15 сентября месяца 1995 года. Ветер за окнами срывал с веток пожухлую кленовую листву, рвал ее в клочья – как автор рвет десятый по счету неудачный черновик, собирал листья и гнал их хороводом в конец улицы. Зарядивший дождь, предугадываемый, а скорее даже не дождь, а сыплющаяся с небес морось металась вдоль улицы от дома к дому, и под гул проводов то взлетала вверх бесформенной тучей, напоминающей косяк мечущейся в панике сельди, то, не сумев найти приюта вверху, в отчаянии бросалась наземь. Небо затянулось серыми облаками, похожими на грязную, спутавшуюся паклю, которую еще вчера сторож приюта для бездомных Макарка затыкал в образовавшиеся от старости пробоины меж бревнами...

А ведь предупреждали всех и синоптики, и приметы. Чайки по берегу Москвы-реки бродили пешком, словно по Арбату, ковырялись в выброшенном на песок агаре. Чайка на песке – нет хуже для моряка приметы. Что же касается примет, более привычных для сухопутных жителей, то еще с вечера вчерашнего дня солнце садилось за горизонт в пурпурной мантии, окруженное низкими облаками, и дым из трубы приюта для убогих стелился по земле, тяжелый и густой. Казалось бы, чего бояться? – предупрежден значит вооружен, а потому и страху не должно быть. Ан нет, такого беспорядка в природе жители Серебряного Бора не могут припомнить, сколько ни силятся.

Ветер, этот ветер... Он не был тем обычным природным явлением, о коем предупреждают по десятку раз в сутки с экранов и по радио. Потоки воздуха рвались в город то с севера, обдувая улицу тревожным предчувствием зимы, чувствуемой уже сейчас, в сентябре, то с запада, принося едва ощутимый запах норвежского бора, то с юга. Природа сошла с ума. Это разверзлись небеса, и кто-то, проклиная нечто неведомое роду человеческому, послал вниз проклятие.

Ветер... Он был столь силен, что грозил раскатить этот столетний домик по бревнам и разметать по улице, стереть с лица земли, дабы потом, успокоившись, было чему устыдиться. В такую погоду хозяин не выгонит собаку из дому, да и та вряд ли пойдет даже под угрозой побоев, хотя бы и от страха. Ужас от свищущего потока воздуха, бьющей в морду воды и липкой листвы, норовящей залепить глаза, был бы стократ сильнее.

Домишке, продлись непогода еще сутки, вряд ли было устоять. Приют для бездомных – имя ему, грозящему развалиться. Каждый дом должен выглядеть соответственно содержанию. Как в церкву положено приходить одетым соответственно полу, так и дома в Москве, да и по всей России, испокон веков одевались в одежды, позволяющие распознать в них естество. На Охотном Ряду не быть приюту, на Мясницкой не быть, и на Никитской ему не бывать. На светлых каменных улицах проживают и несут службу люди деловитые, статью особой наделенные, а потому и дома, где они служат, светлые, высокие, стеклянные, этим домам нипочем ни ветер, ни даже землетрясение, селевой поток, случись таковые в Москве. Этот же домишко, пристанище для лиц, не отягощенных ни имущественным, ни светским положением. А посему

и быть ему рубленным, ветхим, и находиться в лесной глуши московской, в Серебряном Бору, что на западе столицы. И, хотя там развелось ныне особняков многоэтажных столько, что даже инспектора налоговые, то и дело прибывающие по душу кого-нибудь из новых поселенцев, не сразу в номерах разбираются, глушь как она была глушью, так и осталась.

– Преставится нынче, не иначе, – вздыхает старушка Ангелина. – Плохой уж совсем Сергей наш, – и снова вздыхает, развязывая и снова завязывая узел на простеньком платке.

Ангелина Матвеевна, прислужница приюта, живет и помогает страждущим в Серебряном Бору тридцать пятый год. Как бросил ее муж в шестьдесят пятом, так и пришла она, тридцатилетняя, покоя искать в доме этом, тогда еще сносом на вид, бывшем туберкулезном диспансере. Диспансер в начале девяностых перевели на другую окраину (поговаривают, что из-за вырастающих, как грибы, коттеджей в Серебряном – и то верно! – дело ли людям жить и отдыхать, когда поблизости кашель такой, что до самого Магадана слышен?). А в домишке двухэтажном, покосившемся, соорудили приют. Дабы люди бродячие не пугали хозяев в Серебряном своим неожиданным появлением: в рубище, с бородою да топором за поясом. Разоружили их, придели в казенное да под присмотр отдали. С тех пор старуха Ангелина и присматривает за страждущими. И кому как не ей знать, когда кто преставится или у кого нынче день рождения или именины.

По этой причине сидящая рядом, на кухне, другая старушка, чуть постарше годами, но ничуть – лицом, Антонина, покачала головой. Грех с Ангелиной не согласиться, и подтвердила, словно приговор подписывая:

– Не иначе как после полуночи. Совсем ослаб. Кричать от боли, и то уж не в силах.

– И не говори, – бывалая сиделка редко соглашалась с чужими доводами, хотя бы и правильными. Ей, отслужившей здесь не один десяток лет, не положено поддакивать, но на этот раз она своему правилу изменила. – Месяц назад силы таковой был, что спинку кровати выгибал в приступах, а ныне стонет только да глаза закатывает.

Еще раз развязав-завязав платок, подставила стакан под кран старого, местами гнутого, но добела начищенного, словно зеркало, самовара и предупредила:

– Ты смотри, Тонька, не проворонь. Церква рядом, да можно и не успеть.

Церковь Успения в Троице-Лыково, если разобраться толком, не так уж и близка. Случись кому лет сто назад при таких обстоятельствах неудобных помирать, то вряд ли бы отходящий батюшку для причащения дождался. Сегодня у батюшек есть машины, слава богу, так что в чем-то Ангелина, конечно, права. Полчаса дороги для помирающего бродяги Сергея – не срок. Срок потом настанет: вечный, светлый. Ведь негоже святому Петру, апостолу Божьему, Сергеем врата рая не отворить – чист Сергей и душой, и телом.

Чтобы было понятно, о чем ведут речь две благообразные старушки, нужно вернуться в предысторию рубленого дома и пролистнуть назад шестьдесят страничек календаря, висящего на кухне, уже оторванных и скрученных под самосад сторожем Макашкой.

Ровно два месяца назад поступил в приют сорокалетний мужчина, человек образованный, но обиженный судьбою. Не приглянулся чем-то Сергей Олегович Всевышнему, хотя делами занимался, право слово, добрыми и человечными. Не имел он никогда ни дома своего, ни семьи, ни средств к существованию, посредством коих он мог бы и дом содержать, и семью кормить. Все, чем жил, содержалось в котомке, через плечо на ремень перекинутой: пара белья, пластиковая бутылка для питья да несколько журналов, потерявших актуальность не один десяток лет назад. Бродил мужик Сергей по московским окрестностям, жил тем, что нанимался в работники к людям состоятельным, дома в Серебряном возводящим, пил из ручья, здесь же, в Серебряном, питался тем, что подадут, но особую слабость имел он к приюту. Нет-нет да заглянет раз в неделю, поговорит по душам со смертными больными. Прибывал и на все церковные праздники. Приносил неведомо откуда добытые пряники, калачи, раздавал их постояльцам, говорил о жизни будущей, Христа просил почитать да снова уходил. Кто он, откуда,

где род его начало берет, никто не знал, да и не особо задавались целью выяснять это. Раз человек добрый, богобоязненный, так чего же к нему в душу лезть, коли сам не рассказывает.

И вот два месяца назад пришел Сергей в приют совсем хворый. Без подарков, с сумою пустою, на костыль опирающийся. Вырубил в лесу сук аршинный, с ним и пришел, всем телом его в землю вдавливая. И теперь вот уже как шестьдесят один день метался в бреду, в сознание приходил все реже и реже. Приезжал врач, осмотрел, анализы собрал и убыл. Через две недели вернулся, сказал, что сожалеет, очень сожалеет. С тех пор лежал Сергей-мученик на постели, должной вскоре стать смертным одром, хрипел, сносил уколы обезболивающие, и крутился в его голове, когда бывал в сознании, диагноз страшный, врачами установленный: рак крови.

Нет спасения от этой хворобы. Ангелина прочитала где-то, что ЮНЕСКО обещало поставить памятник в полный рост из чистого золота тому, кто вакцину от рака сладит, да только до сих пор не нашлось такого мастера. Еще говорят, что какой-то грузин под эту тему подвизался, решил ЮНЕСКО обойти. Хотя бы и не из золота, но из чугуна памятник сваять. Чтобы Эйфелевой башни выше был. Будет врач на коне сидеть, в халате белом, и копьём пронзает рака чугунного. Но пока рак есть, а на роль всадника кандидата, как ни ищи, нету.

И настал, видно, последний день Сергея. Съел его рак изнутри, сожрал так, что уже и врачи анализы брать отказывались. Приезжает раз в два дня один, на санитару очень похожий, а не на доктора, привозит десять шприцев одноразовых, да десять ампулок прозрачных. И колет больного теми ампулками, хотя Сергей уже трижды просил свистящим шепотом:

– Послушай меня, друг милый... Я же знаю, что недолг час... Кольни мне чего бы-то, чтобы побыстрее...

Фельдшер мотал головой, прятал глаза и уходил грустный.

И наступила ночь 15 сентября. Страшно умирать в такую ночь. Хоть и держит Сергей крест нательный в мокром кулаке вот уже второй час, да только все равно страшно. Как встретят его там, как расспрашивать начнут... о чем, главное. Скажут: а в полную ли силу ты, Сергей Олегов, людям служил? Не имел ли в душе черни когда, а в мыслях лукавства и презренного?

Ох, страшно умирать в такую ночь. Под горячую руку Ему как раз... лучше бы уж теплым, светлым днем, чтобы на небе ни облачка, и листва не шевелилась бы, хоть и стара совсем стала, желта. А в такую пору... А вдруг батюшка не придет?

Подумал Сергей – и испугался. Не можно ему без священника уходить! Он не язычник, а православный во Христе! Заповеди чтит и соблюдает, молится каждый день, и не по надобности, а по душевному велению. Верить? – спросили его, зрелого мужа, на крестинах. Верю! – ответил он. Верю! – говорит сейчас, и понимает, что не лгал ни тогда, ни нынче.

Служил людям? – служил. Последнее отдавал, куском делился. Кто знает, не спасла ли жизнь та, последняя, таблетка парацетамола, мальчишке бродячему на Пречистенке. Приболел Сергей тогда, два года назад, и торопился, набрав гостинцев, в приют. Кашель был ужасен, люди шарахались в сторону, ругали грязно – глупые, они ведь тоже болеют... и вдруг на дороге, в парке, увидел мальчишку. Пятнадцать лет мальцу было, не больше. Сидел, курил и кашлял человек с таким старанием, что даже у Сергея, и самого нездорового, сердце зашлось. Глаза у юнца совсем больные были, смертью дышали. Поискал тогда Сергей в карманах, нашел таблетку последнюю, жаропонижающую, и отдал. А самого в приюте еле откачали.

Добр Сергей, бескорыстен. Потому, наверное, и прибирает его к себе Господь, – решила Ангелина, торопясь к телефону. Пора, пора звонить священнику. А вызывать его нужно уже сейчас, потому как у мученика такая ломка началась – не приведи, Господи... Как свеча, что вспыхивает и яростно пылает перед тем, как навсегда угаснуть, закричал в своей боли Сергей, человек без дома и паспорта...

## Но минуло пять минут, и с тринадцатым...

...или четырнадцатым по счету ударом грома, едва не пошатнувшим убогий дом, распахнулась дверь, и на пороге встал, освещаемый короткими сполохами молний, высокий человек в длинном, блестящем от влаги пальто. Не священник.

Не было на нем шляпы, а лишь серое пальто да черный костюм под ним, и рубашка черная же, застегнутая на пуговицы до самого верха. Длинные волосы его, собранные сзади в хвост, лежали, влажные и блестящие, на плечах. Глаза пронзительно посмотрели по углам, очертили взглядом скудное убранство просторной прихожей и остановились на двух старушках. Впрочем, смотрел он на них недолго, поскольку нос его с заметной горбинкой стал морщиться, ноздри судорожно сжались в непреодолимом желании чихнуть. Что он и сделал вместо приветствия, укрывшись рукавом сырого пиджака.

Он вошел, вежливо улыбнулся и посмотрел на вышедших к нему навстречу из кухни старушек вполне приветливо и добродушно.

– Недобра Москва к прохожим сегодня! – воскликнул негромко он, понимая, видимо, где находится. – Так недолго час и ринит заработать. Однако дела. Где прикажете вытереть ноги?

Антонина подметнула под ноги гостю чистую половую тряпку, и, когда незнакомец последовал дальше, от туфель его, лакированных и остроносых, не оставалось и намека на грязь или влагу.

– Хорошо у вас, – признал гость. – Тепло, светло. А на улице, скажу я вам... – он покачал головой. – Это просто ужас, что там творится.

Старушки согласно перекрестились и по привычке принялись. За отсутствием хорошего зрения и слуха угадывать статус гостя они научились обонянием. Пахнет дорогим одеколоном – не исключено, что поможет. Таким отказывать грех – крыша прохудилась донельзя, для ремонта нужны деньги, денег для ремонта нет. А такие изредка, но подкидывают. Пахнет портфелевой кожей – возможно, деловой. Эти приезжают, что-то пишут, говорят непонятным языком и уезжают. Смысла от таких гостей решительно никакого. От сегодняшнего приезжего не пахло ничем. Он внес в приют сырой запах насыщенного озоном воздуха и отсыревшего асфальта, каким человеку пахнуть не полагается. Так бывает всякий раз, когда в приют вваливается кто-то в непогоду. От самого же странного посетителя не исходило никаких ароматов. Выбрит он был между тем чисто, но не пах и бальзамом после бритья. Хотя старушки могли и ошибаться, поскольку в таком-то возрасте и на нюх полагаться тоже рискованно...

– А вы, позвольте, по какому вопросу? – понимая, что пора начинать разговор по существу, мягко спросила Ангелина, старшая из сиделок. Она всеми силами пыталась угадать, сколько лет гостю, и в конце концов решила, что ему не меньше пятидесяти и не больше пятидесяти пяти. – Из какого ведомства?

– Ни из какого я не из ведомства, – разочаровывая собеседниц, пожал плечами гость. – Что ж, если человек приходит в приют, так он обязательно должен быть из какого-нибудь ведомства? Смешно, право...

Он прошелся по холлу.

– Я пришел навестить одного из ваших постояльцев.

– Это какого же? – засуетилась Антонина, соображая, к кому из убогих и забытых мог явиться гость в дорожном костюме и стерильных лакированных туфлях. И, кстати, невероятно приличной, то есть обаятельной наружности.

Обаятельнейший незнакомец меж тем мило улыбнулся и честно доложил:

– Сергей Олегович Старостин у вас проживает.

– Сергей-мученик? – удивились хором старухи. – А кем вы ему приходитеесь?

Черный гость осуждающе покачал головой и пригрозил обеим сиделкам длинным пальцем:

– Не по-христиански толкуете, мамыши. Ежели я никем не прихожусь Сергею Олеговичу, так получается, я и не обязан навестить его в трудный час? – он наклонился и подтянул к себе предложенный Антониной табурет.

– Он ведь и вам никем не приходится, однако вы за него душою болеете, верно? Почему же такого права должен быть лишен я? Или не болеете? – иронично справился он, щуя глаз.

Дотошливый нынче гость пошел. Задаешь ему один вопрос, он тебе отвечает тремя. Смугнулись сиделки.

– Он плох, – устыдившись своих расспросов, сказала Ангелина. – Священник уже в пути.

– И тем важнее для меня повидать больного именно сейчас, – жестко произнес незнакомец, с некой затаенной опаской поглядывая на огромный блестящий самовар.

Старушки его взгляд расценили как возможность оттянуть время, чем незамедлительно воспользовалась одна из них, более смышленная Антонина.

– А не угодно ли будет выпить чайку? Ангелина Матвеевна заваривает чудный чай из мяты и смородины. А прибудет священник и...

– Вы, кажется, меня не понимаете, бабушки, – повторил незнакомец улыбку и хрустнул суставами в ладонях. – Я тысячу раз подряд согласился бы выпить с вами чаю, тем более что он наверняка хорош на вкус, но обстоятельства вынуждают меня отказаться и снова попросить, чтобы вы немедленно проводили меня наверх.

– Но священник уже скоро будет... – сделала неловкую попытку продолжить спор старшая из сиделок, но у нее ничего не вышло.

– Значит, у меня есть пара минут, – вывел из услышанного гость. – Проводите меня к мученику, я облегчу его боль, а там, кто знает, кто знает...

– Откуда же вы? – прошептала Антонина, бредя следом за мужчиной, который ориентировался в приюте, как у себя дома.

Незнакомцу, видимо, надоели расспросы, поскольку он остановился. Вперив в навязчивую старуху острый взгляд, он сообщил:

– Я из нотариальной конторы, если угодно. Сергей Олегович изъявил желание кое-что завещать мне, – он приложил палец к губам. – Только тсс!.. Дом на Москве-реке. Половину мне, половину приюту. Дядя он мой, дядя. Неровен час преставится, бумаги не подписав, вас за это по головке не погладят. И я не поглажу, что наиболее вероятно. А теперь, если позволите...

Объяснение решительно меняло дело. Старухи засуетились и, не дожидаясь прибытия священника, повели неожиданного гостя наверх.

– Он рядом... – поднимаясь по скрипучей лестнице и тяжело дыша, доложила Ангелина. – В комнате...

– Номер двенадцать, – закончил за нее неизвестный, чье одеяние из-за слабой освещенности коридора почти сливалось с полумраком, – я знаю. А теперь, когда мы дошли, я попрошу вас подождать снаружи. Дело в первую очередь касается меня все-таки... Опять же, священник придет, а встретить его некому. О вашей негостеприимности пойдет недобрая молва.

Оставшись в коридоре, сиделки подумали, пришли к выводу, что хуже Сергею незнакомец уже не сделает, лучше – хотелось бы, но... скорее всего, тоже, а потому спустились вниз к самовару.

## **Мучения его подходили к концу, и были они сильнее оттого...**

...что в тот миг, когда придется расставаться с миром, когда душа выберется из проклятого, приевшегося ей за годы страданий тела, когда она поднимется вверх и будет еще некоторое время кружить, раздумывая, как поступить ей дальше и куда податься, рядом не окажется священника, способного указать ей верную дорогу.

Старушки клялись, что звонили в церковь и что батюшка уже в пути. Но хватит ли мужества у батюшки добраться до заброшенного приюта в такую непогоду? – вот вопрос, которым мучился в последние минуты своей жизни Сергей Старостин, более известный в миру как Сергей, Олегов сын, а еще более как Сергей-мученик.

Вспышки молний то и дело освещали убогое убранство его комнаты: стул с деревянным сиденьем, лоснящимся от многих лет службы, да потрескавшейся спинкой, крест над входом, почерневший от старости, ровесник, наверное, стула, да никелированная дужка кровати. Это все, что мог видеть лежащий мужчина средних лет, готовящийся предстать перед судом Божиим и рассчитывающий на райские кущи. Вот то, что останется в памяти Сергея Старостина, завершившего свой совершенно несправедливый путь на земле. Как истинный православный, он никогда не сетовал ни на нищету, ни на тяжесть жизни, ни на болезни. Все, что ниспослано тебе в жизни, ниспослано Богом. Каждого в этом мире Господь проверяет на крепость духа, но не каждый это понимает, а потому одни, понимающие, принимают муки смиренно, stoически, другие же клянут и судьбу, и семью, в которой суждено было родиться для такой судьбы, и самого Бога, который-де все слышит, все видит, но насылать проклятья продолжает. Он испытывает человека до последнего дня его жизни, и вся беда в том, что не каждый из людей, даже поняв эту истину, хочет ее принять.

– Господи, – шептали бескровные Сергеевы губы, – дай мне вполне предаться Твоей воле...

Как и всякий человек, умирать он не хотел, потому что сумел познать и оценить и любовь, и вкус хлеба, и приятную негу в постели. Но как человек православный, Сергей по фамилии Старостин смерти не боялся. Он страшился лишь того, что не будет рядом священника, который мог бы принять его.

Превозмогая боль, Сергей повернул голову к окну и посмотрел в него, черное, заливающееся слезами дождя.

Тихо и коротко завыв, скорее от боли, вызванной движением, нежели от тяжелого предчувствия, большой разжал кулак и посмотрел на ладонь. Последний час он так сжимал руку, что крест вдавился в кожу и сейчас лежал, словно в специально предназначенном для него футляре с углублением.

Звать старушек бессмысленно. Если бы священник пришел, он был бы уже здесь. Как заставить болезнь отступить хотя бы на десять минут? Хотя бы на пять?..

Да еще эта ночь... Как жутко, как не хочется умирать в такую ночь. Почему не тихое сентябрьское утро, когда свежий прохладный ветер, пахнущий мятой и желтой листвой, когда на подоконник садится воробей и, постукивая клювом по выщербленному подоконнику, сочувствует? Вечером умирать все-таки грустно. Завтра наступит новый день, ты его уже не увидишь, и оттого грусть. Утром все-таки спокойнее, потому что дата вчерашняя уже перевернута, листок Макашкой скурен, а до завтрашнего утра далековато. Вечер же – ни туда, ни сюда, не по-людски получается: и этот день не закончился, и новый еще не наступил...

За этими мыслями, переполняющими умирающего болью, страхом и тоской, и застал его скрип двери, возвещающий о том, что в комнату кто-то входит. Старостин приподнял голову и взгляделся в того, кто прервал, слава Богу, его такие страшные мысли.

– Пресвятая Богородица!.. – хрипло вскричал он, вкладывая последние силы в этот крик. – Старухи от страху из ума выжили!.. – опустив голову на подушку, он заплакал так горько, как может плакать умирающий. – Они привели к моей постели католического священника...

Но наплакаться навзрыд в свою последнюю минуту, а Старостин уже понимал, что дольше не проживет, ему было не суждено.

– Полноте вам, Сергей Олегович, – проговорил неведомый гость. – Неужели я так похож на ксендза или пастора?

Недоумевая, кто же это может быть тогда еще в таком одеянии, Старостин вновь приподнял голову и стер ладонью стусившиеся, слепящие слезы. И уже через мгновение разглядел и черный, искрящийся росой костюм незнакомца, и черную рубашку его, застегнутую до самого кадыка крепкой шеи, и длинные волосы, аккуратно собранные назад. Разглядел и туфли, признавшись самому себе, что никогда не видел обуви такой идеально чистой и ухоженной.

И когда уже собирался вернуться на затвердевшую от его долгого лежания подушку, Старостин вдруг почувствовал, что боль, еще мгновение назад разрывавшая его тело, притупилась и отступила. Решив не дразнить ее понапрасну, Сергей Олегович все-таки улегся и на всякий случай поморщился.

– Помирать, значит, собрались, – риторически заметил гость, подтягивая к кровати стул и усаживаясь на него верхом. – Сломались духом, разуверились, я слышал, в высшей силе. А это, простите, совершенно недопустимо.

«Значит, – подумал больной, – старухи вызвали еще и психолога». Нынче это модно. Все помешались на приватизационных чеках, психологах и прочем, без чего в прошлые годы без труда обходились. Он должен отвлечь умирающего от заглядывания в могилу до того момента, как приедет священник. Но психолог в такой ситуации вряд ли станет улыбаться, да еще саркастически. Несмотря на то что боль затаилась, как после укола, каковые, кстати, на больного действовать уже перестали, Старостин радости не чувствовал. Такое уже было – вот, кажется, пришло избавление... И сразу после этого, словно насмехаясь, тело снова начинает заходиться в судорогах.

– Кто вы? – прохрипел Старостин, дыша неприятным запахом давно не чищенных зубов. Постель его, пропитанная потом, давно не менявшееся белье, немытое тело – букет этих категорически невыносимых для носа обывателя запахов гостя, как видно, не отпугивал. Напротив, он подтянул стул еще ближе к больному и теперь находился от него на расстоянии не более метра.

– Дайте мне вашу руку, – не церемонясь, гость вынул из кармана несессер, и, когда распахнул его, Старостин увидел в нем аккуратно прижатые резинкой несколько заполненных шприцев.

Даже не чувствуя, как игла входит ему под кожу, больному заплакал от бессилия. Сколько и чего ему уже только не кололи...

– Чувствуете, как замерла ваша боль? – спросил черный и чуть дернул веком. – А сейчас она угаснет совсем. Быть может, не навсегда, но на время нашего разговора точно. Терпеть не могу, когда в мои доверительные беседы вмешивается кто-то третий.

И Старостин, еще мгновение назад плачущий оттого, что умирает, а священника все нет, расправил на лице морщины и прислушался. Боль действительно ушла. Она покинула тело больного, прихватив и тревогу, и слабость.

Проведя рукою, чего не мог делать уже около двух недель, по собственному телу, Старостин поднес руку к лицу и несколько раз сжал ладонь в кулак. Боль, как бывало ранее, не захлестнула. Напротив, внутри умирающего словно кто-то отвернул завинченный до этого момента краник, и внутрь его истощенного болезнью организма полилась живительная влага. Старостин явственно ощущал, как она торопится по сосудам, как проникает, приятно холодя, в

каждую клетку тела, как насыщает силами легкие, уже почти погибшую печень, как заставляет работать почки. Старостину вдруг захотелось в туалет, что было тоже удивительно. Последний месяц он мочился в стоящее рядом ведро, а после, когда уже стал не в силах поворачиваться на бок, а старушки забывали подниматься вверх, ходил прямо под себя. Сейчас же случилось чудо. Старостин почувствовал срочную необходимость подняться и направиться в туалет, расположенный на втором этаже.

– Эка вас понесло! В туалет... – заметил гость, из чего Старостин заключил, что мыслит в присутствии постороннего вслух. – В углу комнаты стоит ведро, Сергей Олегович. Меня не затруднит отвернуться.

Когда больной снова оказался на кровати, лицо его уже было налито свежестью и покрыто румянцем, который половина докторов назвала бы больным, а вторая половина нездоровым.

## Беседы при полной луне...

...никогда не были для Старостина важны. В детстве он растратил слишком много времени на то, чтобы читать по ночам при свете фонарика, укрывшись с головой одеялом, на котором стоял штамп детского дома. Уже потом, став зрелым человеком и уже порядком подпортив себе зрение, он стал склоняться к тому, что по ночам нормальный, почитающий Бога человек должен спать, а не заниматься делами, не соответствующими тьме. Но сегодня, когда случилось самое настоящее чудо, а это было именно чудо, он вдруг почувствовал невероятное желание выговориться и открыть перед ночным посетителем душу.

– Вы – бог, доктор! – заявил он, не зная, чем еще выразить свою признательность. В спасение верилось пока слабо, чего там – вообще не верилось, но возможность пожить прежней жизнью еще пару дней давала надежду, что еще не все кончено.

– Помилуйте, – поморщился обаятельный гость, – я всего лишь облегчил вам самочувствие, так неужели я после этого непременно тот, кем вы меня нарекли?

Старостин смутился, потупил взгляд и забормотал что-то про ЮНЕСКО, какое-то золото, и вообще речь его была настолько сумбурна, что избавитель улыбнулся.

– Вы поименовали меня богом, а между тем, насколько мне известно, почитаете Иисуса Христа. В этой связи позвольте полюбопытствовать: как вы собираетесь служить двум богам, когда известно, что делать это не столько невозможно, сколько безнравственно?

Старостин смутился еще сильнее. Философия врача была ему по душе, но она ставила больного в такой тупик, что сопротивляться ей и оппонировать было никак невозможно.

– Я всего лишь применил метафору, – признался больной, – не более того. Любому человеку известно, что рак неизлечим, и в тот момент, когда я уже готов был умереть, так и не дождавшись священника, являетесь вы. Двум богам служить, конечно, не с руки, но почитать человека, тебя излечившего... Вы должны понять больного.

– Мне не нужна золотая статуя, – пробормотал вдруг гость, разглядывая носки своих безупречных туфель.

– Скажите, доктор, у меня есть надежда? – прохрипел, проверяя заодно и реакцию боли на это, Старостин. – Скажите, из какого вы центра?

– Опять за рыбу деньги, – огорчился целитель и даже обмяк. – Внизу говорил, и вам говорю: ни из какого я не из центра! Если я пришел к вам и помог, так я обязательно должен быть либо богом, либо из ведомства?

– Какое странное выражение, – пробормотал больной, устав извиняться и петь дифирамбы.

– Вы о чем? – любопытствовал, подсаживаясь еще ближе, гость.

– О рыбе...

– А-а. Это давнее выражение, просто его никто не употребляет, кроме меня, потому что никто, кроме меня, не знает его предысторию. Помните, от Луки... *Их было около пяти тысяч человек. Но Он сказал ученикам Своим: рассадите их рядами по пятидесяти. Он же, взяв пять хлебов и две рыбы и воззрев на небо, благословил их, преломил и дал ученикам, чтобы раздать народу. И ели и насытились все.* – Сказавши это, целитель улыбнулся, словно вспомнив что-то для себя приятное, и откинулся на спинку стула.

– Вы знаете Библию, – промолвил Старостин, отмечая это для себя не без удовольствия. – Но при чем здесь все-таки деньги, которые... как вы выразились, за рыбу?

– А при том, что, после того как все насытились и стали Его хвалить, кое-кто прошелся по рядам, тем, что в каждом по пятидесяти, и собрал деньги, – и гость, откинувшись в сторону, скрыл лицо.

– Как... – опешил больной, – деньги... Это же не по Писанию... И как это – собрал?

– По Писанию, не по Писанию, – с какой-то ненавистью в голосе забормотал речитативом целитель. – Я вам правду говорю, какая она есть, а не такую, какой вы ее себе представляете благодаря подсказкам, захватившим ваш разум.

Посетитель снова появился в зоне света и аккуратно пригладил и без того идеально зачесанные волосы.

– Так и собрал. В шляпу. А вы знаете, Сергей Олегович, оказывается, по грошу с пяти тысяч нищих получается довольно внушительная сумма.

Поднявшись со стула, он прошелся по тесной комнатке, скрестив руки на груди.

– Если есть деньги, которые кто-то готов отдать, значит, эти деньги обязательно должны оказаться у вас, – и он кивнул на тумбочку, где весь утыканный закладками лежал потрепанный и лоснящийся от времени Новый Завет больного. – Без врак четверых евангелистов, возмнивших себя летописцами... – он помолчал и закончил весьма странно: – Его, который Он.

– Очень странные ваши слова, – растерянно пробормотал Сергей Старостин. – Мне чрезвычайно неприятен наш разговор. Я хотел бы дождаться батюшку из церкви Успения... Быть может, он прояснил бы ситуацию с этими рыбами... – больной суетился, потому что возражал человеку, облегчившему его страдания, однако не возражать не мог. – Моей благодарности за то, что вы сделали, нет конца, однако я настоял бы на том, чтобы до его приезда...

– Вы? – перебил гость. – Вы бы настояли? – и он, внимательно посмотрев на Старостина, подошел к нему, заглянул в глаза и склонил свою голову набок, словно из любопытства.

А потом неожиданно убрал из-за спины руки, и в одной из них Старостин успел заметить сверкнувший во время очередного приступа молнии шприц.

И страшная по силе боль пронзила все тело больного. Игла, впустившая в шею какое-то снадобье, вышла из тела.

Зайдясь в глухом протяжном крике, Старостин изогнулся коромыслом, пал на кровать и вцепился в каменный матрас скрюченными пальцами.

– Разве вы можете на чем-то настаивать? – равнодушно продолжал между тем гость, склонившись над заходящимся в сиплом реве больным. – Я прихожу к раковому больному, уже наполовину свалившемуся в могилу, пытаюсь заключить небольшую, но важную сделку, возможно, предложить кое-какие условия, а он заявляет мне, что речь моя ему неприятна. – Когда он увидел, что боль снова стала покидать тело умирающего, он полюбопытствовал: – Кто вам сейчас нужен больше, Старостин? Спаситель или беспомощный священник, свидетель вашей смерти?

Перевалившись на бок, Сергей Олегович едва не упал с кровати. Однако в последний момент он успел удержаться за дужку, и хотя рука его, покрытая склизким потом, все-таки соскользнула, он остался на матрасе и посмотрел на гостя исподлобья.

– Кто вы? – и праздным сейчас этот вопрос не звучал.

Одетый в темное гость встал и подошел к окну.

– Вы почитаете Иисуса Христа Назаретянина, – молвил он, взглядываясь в окно, за которым бушевала сумасшедшая непогода. – Вы вычитали о его славных подвигах, и теперь хвалитесь друг другу его беспримерными возможностями на церковных службах. Целуетесь друг с другом, заверяя, что он воскрес, искренне дивитесь его бескорытием и способностью заниматься целительством. Вы знаете каждое слово из учебника, лежащего на вашей тумбочке. – Покрутив головой, что-то припоминая, он изрек: – *И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его разбудили Его и сказали: Спаси нас: погибаем* («погибаем» целитель произнес в свойственной ему ироничной манере). – *И Он встав запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. Люди же удивляясь говорили: кто Этот, что и ветры и море повинуются Ему?..* Ах, какая прелестнейшая ложь во славу подложного фигуранта! – сверкнув глазами, заявил незнакомец и вдруг посмотрел

на больного строго и беспощадно. – Тогда скажите мне, умирающий в страшных муках, но хранящий при этом на устах имя Христово, как назвать это?

Отступив от кровати, гость выхватил из несессера третий шприц и со страшным выражением в глазах вернулся к больному.

– Что же это, Старостин?

И Сергей, Олегов сын, с ужасом уставившись на руку, замер на постели. Он не знал, что это, и теперь ждал ответа. И снова пришла боль. Сначала она тоненьким ручейком пробежала вдоль позвоночника, потом разлилась в груди и вскоре болевые судороги охватили Старостина с такой силой, что он, заскрежетав зубами, опять завалился на скрипучую кровать.

– Я вам отвечу, что это, – свистящим шепотом произнес незнакомец, едва свет, пролившийся из окна, достиг ножки его стула. – Это – жизнь!

И Старостину показалось, что комната снова заполнилась мраком.

Шум за наружной стеной приюта возобновился с новой силой, а гость вдруг посмотрел в угол мрачной комнаты, словно прислушивался или присматривался, хлопнул себя рукою по ляжке и расхохотался. Зло расхохотался, с досадой.

– Скорее всего, священник уже в пути! Нет, ну до чего же упрямы эти ваши священники! Вот скажите мне, Старостин, откуда в священнослужителе может быть столько ослиного упрямства? – Он криво улыбнулся и, придумав что-то, качнул головой. – И они еще возмущались, когда их изображали в виде людей с ослиными головами! Ладно, пока боль достигнет своего апогея и тем облегчит мое общение с вами, хотите, расскажу историю об Иуде, Сергей Олегович? Не хотите? Но я все равно потом расскажу.

Старостин корчился в агонии и не сводил с посетителя невыносимо тяжелого взгляда. Однако тому до этого, казалось, решительно не было никакого дела.

– В этой главе, почитаемой вами и вам подобными, – не поднимая глаз, металлическим голосом проскрежетал незнакомец, снова посматривая на священную книгу, – верно только одно утверждение – «Он спал».

– Кто вы?.. – в который раз прошептал больной, только теперь его голос не казался радостным или настойчивым. Этот лепет нельзя было услышать, его можно было понять, лишь проследив шевеление бескровных губ Старостина.

За окном, как и прежде, бушевала скверная погода. И ей, казалось, не будет конца. Как не будет конца разговору, в котором больной участвовал, как ему теперь казалось, всю жизнь.

– Кто я?..

И этого тихого шепота хватило, чтобы глаза совсем недавно приготовившегося завершать свой жизненный цикл человека озарились огнем понимания, а лицо натянулось, являя собой маску ожидания чудесного явления.

– Так это Ты?! – не в силах сдерживать более рвущийся из него огонь, заговорил Старостин. Кажется, боль довершила начатое – в глазах ракового больного засветилось безумие. – Ты излечил меня одним лишь присутствием своим. Тебе покорны ветра и волны... – Лицо его дрогнуло, и по щекам градом покатались слезы. – Ты услышал меня в трудный час, Ты услышал. Моя вера спасла меня! Ты явился, чтобы воздать мне по вере моей... Будь же славен, Господи, во имя отца и сына...

– Довольно, – несколько официально остановил его гость, которому, кажется, понравилось обращение собеседника. – Вы перебираете лишку, Сергей Олегович. Пусть так, пусть все так... – согласился он, убедившись, что главное уже состоялось. – Но вы, наверное, знаете, что ничего ни в этом мире, ни в том не дается бескорыстно. Тот, кого вы зовете Господом, приобрел славу и вечность, заплатив за это земной жизнью. Иуда за тридцать сребреников почил на дереве, хотя некоторые уверяют, что его прирезали. – Насмешливо посмотрев на возвращающегося к жизни собеседника, незнакомец смилостивился и опустил до откровений: – Впрочем, я могу открыть вам небольшую тайну. Иуда закончил свою жизнь не на осине, не

под ножом. Он прожил долгую жизнь, народил четверых сыновей и умер в возрасте девяносто восьми лет. И что вы думаете? Он все равно распрощался с жизнью не в своей постели!

Больной слушал, внимая каждому слову говорящего с ним Бога. Ни Бог, ни сам Сергей-мученик уже не замечали, что последний стоит на коленях и держит руки со скрещенными пальцами перед собой.

– В 70-м году он, решив умереть в стране, где его никто не знает, перебрался в Палестину. Но как часто бывает с людьми... чего уж, будем говорить прямо, не на пленуме партии, как-никак, – подлыми, он перебрался не туда и не в то время. Именно в этом году в Палестине вспыхнуло восстание против римского владычества, Иерусалим на время превратился в геенну огненную, и наш герой попал в замес, из которого насилу выбрался. Сообразив, что лучше там, где его нет, он оказался в Риме. И что вы снова думаете? Он, как говорил в Палестине их бог Яхве, опять-таки не угадал. К власти в Риме пришел император Траян, который приказал схватить известных всему Риму доносчиков, посадить их на грубо сколоченные корабли, корабли вывести в открытое море, да там и оставить, без весел и ветрил. Как вы думаете, Старостин, кто оказался первым на первом из построенных кораблей? – Помолчав, он добавил, потому что не добавит этого счел невозможным: – Признаться, я был очень огорчен этим. С Траяном пришлось разобраться, но возможность для этого представилась лишь спустя девятнадцать лет. Как видите, и он тоже сполна заплатил за свой благородный поступок.

– Не может быть... – только и молвил Сергей-мученик, пользуясь любой паузой, представленной ему рассказчиком. – Не может быть, я не верю...

– За все в этой жизни приходится платить, и каждая такая плата связана с расставанием. С близкими, с деньгами, с верой... Денег у вас нет, близких, как мне кажется, вообще никогда не бывало. Осталась вера, и теперь я желаю знать, способны ли вы расстаться с нею, получив взамен куда большее.

Больному, неожиданно обретшему здоровье, казалось, что он уже вошел в кущи, теперь вкушал истину и просто не заметил этого перехода. Он готов был молиться сошедшему к нему Богу, мазать миром его ноги и стать, если тот позволит, его учеником. Едва он осмелился возразить гостю, как тот снова вернул ему боль, и она была куда большей силы, чем прежняя. Старостин уже довольно плохо понимал, где он, кто он, кто рядом с ним и что, собственно, вообще происходит.

– Так что, господин Старостин, я все-таки прав. Иуда расплатился за свою тридцатку серебряных. Не сразу, так потом. Рано или поздно приходит час, когда человеку приходится выбирать.

Покусав губу, незнакомец в черном вздохнул и положил руку на покрытое замаслившимися, свалывшимися волосами темя больного...

– Так вот, вернувшийся из мира теней богомолец... – молвил он, поглаживая голову нового ученика. – Я вынужден взять на себя труд сообщить, что готов поставить тебя на ноги.

Старостин изогнулся на постели и на уголках его губ появилась пена.

– Кто же ты? – просвистел одними легкими он.

Вместо ответа гость прошелся по комнате, с опаской бросая косые взгляды на стенную перегородку, и заговорил, решив, видимо, поставить в этом разговоре точку.

– Я возвращаю тебе жизнь, богомолец. Я даю тебе здоровье. Но взамен ты должен отплатить мне столь же крупной монетой, каковую только что получил.

Сергей-мученик в отчаянии забегал глазами по комнате. Происходило странное. Гость вернулся к своему несессеру и снова вынул из него шприц. Вонзив иглу во вздувшуюся вену на шее Старостина, он медленно впустил в него бурого цвета жидкость, убрал шприц, не вынимая иглы, и взял из несессера очередной шприц. Вставив его в канюлю иглы, он впустил новую порцию. И так происходило еще трижды. И с каждой новой волной бурого цвета Старостин чувствовал, как уходит боль, как кровь приливает к лицу, как оживают пальцы и хочется в

ванную. Его уже не удивляло возвращение к жизни, но вот этот факт радовал его до слез – в ванную ему не хотелось уже два месяца.

– Нам придется расплатиться, Сергей Олегович, – наблюдая за истомой пациента и укладывая шприцы в несессер, пробормотал гость.

– Да чем же я смогу отплатить тебе? Всего-то, что у меня есть, эта вот книга! Возьми! Кроме жизни и ее, у меня более ничего нет! Жизнь ты подарил мне, я же отдаю тебе то, что у меня осталось!

Убрав руки за спину столь быстро, что это обязательно не укрылось бы от внимания больного, не опустил он голову в смиренном поклоне, гость потемнел лицом и отошел в самый темный угол комнаты – вдале от окна. И отныне говорил только оттуда.

– Убери это. Эта книга тебе пригодится, поскольку, думается мне, отныне она будет привлекать тебя еще сильнее. Я ценю твою способность поделиться с ближним последним, однако в ответ на щедрость говорю нет и объясняю почему. Взамен того, что я даровал тебе здоровье и долгие лета, а они покажутся тебе, поверь, бесконечно длинными, ты обещаешь выполнить два моих условия.

– Я согласен! – горячо вскричал нищий, еще не подозревающий, что называть себя так отныне он не имеет права.

– Значит, мы договоримся. В обмен на мою услугу, только что тебе оказанную, ты согласишься принять от меня самое большое состояние, которое только может быть у человека в этой стране. И ты будешь пользоваться этим состоянием и усердно приумножать его. Не будет проходить и дня, чтобы тебя не заботила идея увеличения твоих богатств. Это мое первое условие.

– А какое же второе? – едва не задохнулся от услышанного давно не мытый, жалкий на вид, одетый в рубище Старостин.

– В ту книгу, которую ты хотел вручить мне из самых лучших своих побуждений, ты будешь заглядывать каждый день по многу раз.

– Обещаю! – вскричал восхищенный странник.

– И всякий раз, когда ты будешь мучиться над проблемой принятия любого из решений, встающих перед тобою в жизни, ты будешь искать совета у этой книги и поступать решительно противоположно тому, что она будет тебе советовать. Это и есть мое второе условие и, если ты тоже готов сказать мне нет, то я тотчас верну тебе кровать, пропитанный мочой матрас и оставлю дожидаться... – гость посмотрел на перегородку, явно сожалея, что она существует, – священника.

Сергей Олегович Старостин, человек без паспорта и определенных занятий, человек, посвятивший всю свою жизнь служению Господу, опустил на топчан. Истрепанный Завет, выскользнув из его рук, скатился по вытянутым ногам и без звука упал на пол.

– Я дал тебе лекарство, которого еще не знает свет. Но мне не нужна статуя из золота... – закашлявшись, незнакомец приложил ко рту белоснежный платок и потом долго его разглядывал. – Вместе со своим богатством ты приумножишь и это лекарство, и ты продашь его людям... Что же ты выбираешь, человек, стоящий на лезвии бритвы? – вопрошал гость из совершенно темного угла. – Бесчисленное богатство, долгую жизнь и насмешку над каждой из строк этой книги, или мучительную смерть ракового больного в деревянном бараке? Твоя могила будет находиться у самой кладбищенской ограды, но это будет не важно, поскольку уже через неделю она провалится, крест с жалкой надписью вынесут и сожгут за оградой, и более уже никто и никогда не вспомнит фамилию и имя, которые ты носишь сейчас. Так что выбираешь ты, больной человек, беззаветно верный учению своего Иисуса из Назарета?

Слезы потекли из глаз исцеленного, и губы его прошептали:

– При всяком дерзновении возвеличится Христос в теле моем, жизнью то или смертью... Не может быть иначе, потому что для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение... Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то и не знаю, что избрать...

Странный гость удивился до того, что даже сделал несколько торопливых шагов к кровати.

– Довольно противных мне речей, больной!.. – пользуясь тем, что стоял почти рядом, он наклонился к давно не мытой, пахнувшей потом голове и прошептал: – Иначе я прикончу тебя быстрее, чем твоя лейкемия!! Что ты выбираешь?!

– Я выбираю, – сказал умирающий, вонзив беззащитный и оттого цепкий взгляд в пол, – жизнь.

– Замечательно! – восхитился гость. – К тебе придут. Завтра. И ты получишь все, о чем мог только мечтать. Но помни о нашем договоре, потому что если ты отступишься от него, к тебе вернется боль.

Ужас вселился в глаза больного. Еще совсем недавно преданный вере странник опустился на кровать, закрыл лицо руками и качнул головой. Он не хотел возвращения боли. Боль рвала его на части.

Услышав и увидев то, в чем был ранее уверен, гость медленно подошел к кровати и склонился к уху Старостина.

– Ты спрашивал, кто я? – едва слышно прошелестели его губы. – Ты говорил, что я похож на бога? Ты ошибся, больной... Я и есть – Бог.

Он не спеша дошагал до двери, посмотрел в последний раз на перегородку, словно сквозь занавесь из персидского шелка, и вышел вон. Ни единого звука он не издал, ни единого слова не оставил.

Он спустился вниз по шатающейся лестнице, доски в ступенях которой чередовались почти в правильной последовательности – новая, желтая, за нею старая, черная и гнилая – и оттого казались клавиатурой выдавшего вида пианино. Так же не торопясь пересек убогий холл, и уже почти в дверях столкнулся со старушкой, одной из тех, что встретили его на входе.

– Куда же в такую завируху? – забеспокоилась она. – Отсидитесь, чайку испейте.

Гость качнулся в сторону кухни, соображая, куда могла деться вторая сестра милосердия. С этой мыслью он вошел в комнату, где стоял, пылая жаром, все тот же самовар, и облокотился на стол. «Тула», – прочитал гость на мятом, блестящем, как зеркало, боку.

– А Ангелина Матвеевна, что же, – задумчиво пробормотал он, – цейлонским не греется? Не так уж тепло у вас здесь, как я теперь вижу.

Не дождавшись ответа, хотя времени для него он выделил предостаточно, гость скосил глаза и увидел, как Антонина, открыв рот и дрожа, словно в ознобе, сидит на стуле и смотрит в самовар. На то его место, где должны обязательно отражаться лицо и плечи странного наследника Сергия-мученика. Она смотрела, однако отражения будущего владельца половины дома на Москве-реке, как ни силилась, на блестящей поверхности не видела...

Мягкий бок был вогнут, и каверза оптического обмана заключалась в том, что старуха не видела вмятины, в которой утонуло отражение гостя, но видела ровный край закругления, в котором гость не отражался...

– Прочухала, стало быть, – едва слышно пробормотал гость и снова закашлялся. Медленно повернув голову, он устремил к Антонине взгляд, лишенный всего человеческого. На старуху в упор смотрели два черных, как угли, больных глаза, без зрачков и радужных оболочек. – До чего же пронизательны порой бывают эти подслеповатые старушки! – сказал он, и в кухне стало еще холоднее, словно кто-то приоткрыл дверь, ведущую на улицу, а там стоял не сентябрь, а январь.

Старуха подняла непослушную руку, но щепоть так и замерла на лбу, не в силах двинуться дальше. Лицо ее перечеркнула гримаса ужаса, горло сковало, словно в него набили льдистого снега.

– Брось, брось, старая дура, – строго приказал посетитель. – Это старый обычай, и сейчас его никто не применяет!

С этими словами он приблизился, положил Антонине на голову руки и резким движением сломал ей позвонки.

Приметив на столе нож, он убрал его в рукав и вышел навстречу спешащей к чаю Ангелине с безразличием на лице.

– А Тонечка все о вас спрашивала, говорит, странный человек... – войдя в кухню, старуха с оцепенением посмотрела на сидящую со свернутой шеей подружку.

– Я так и знал, что это может стать темой разговора.

И кухонный нож без звука вошел под иссохшую грудь сиделки.

Осмотревшись, словно убеждаясь в том, что убивать больше некого, гость бросил нож на пол, снял с рук резиновые перчатки и сунул их в карман.

– Что пара жизней, когда речь идет о спасении миллионов? Миллионов и... одной... – шептали его губы.

Выйдя на улицу, где его дожидался у входа черный джип, мужчина не удержался и стал хватать руками воздух. Из машины выбежали двое и подхватили его, не давая опуститься на землю.

– Боль... – прохрипел гость, разрывая воротник черной рубашки и подставляя седую грудь яростному ветру. – Она разрывает меня на части...

Стоящий в тени деревьев молодой человек, возраст которого определить было невозможно даже наскидку – настолько глубоко он утонул в темноте, – хотел было броситься к нему, чтобы тоже поддержать его, но мужчина остановил его взмахом руки.

– Не смей подходить ко мне. Я еще достаточно твердо стою на земле, и разум мой еще насыщен свежестью. Через неделю все будет кончено.

– Лазарь!..

Подняв глаза на этот крик, мужчина кивнул.

– Не спорь со мной. Мне ли не знать?.. – усевшись на порог услужливо распахнутой охранником дверцы, мужчина стер с лица струящиеся капли влаги. – Ты говорил, что запомнил все, чему я тебя учил. Прежде чем снова отдаться в руки этим проституткам в белых колпаках и почувствовать в вене иглу, я хочу убедиться, что ты действительно любишь Карину...

И молодой человек шагнул из тени, оставаясь, однако, все равно неузнаваемым. Тусклая, мокрая луна за его спиной лишь выделяла на сером фоне как будто вырезанный из черной бумаги силуэт: в своем широком плаще юноша выглядел забавно и, если бы не обстановка, гость вправе был рассмеяться. Или же у него не хватало для этого сил... Тошная шея, торчащая из поднятого воротника, словно плодоножка из яблока, тощие же ноги под куполом раздутого ветром плаща – не очень-то впечатляюще для человека, которому можно доверить дело, начатое несколькими убийствами. Но голос юноши был звонок и мелодичен, и этот голос очень странно было слышать среди порывов ветра, дробы дождя по асфальту и скрипа деревьев.

– Лазарь!.. – снова прокричал он. – Вы знаете... Вы знаете, что Карина – жизнь моя! Я останусь с ней, или с нею уйду! Я помню все, что вы велели! Я войду в эту корпорацию незаметным человеком. Я стану одним из тех людей, чье лицо не можешь вспомнить на следующий день! Я превращусь в ничтожество, но может ли распирать меня гордыня, когда любимая девушка умирает?!

И гость услышал всхлип. Чего он не желал сейчас, так это слабости своего ученика. Столько людей сломлено, уже столько загублено судеб ради одной-единственной цели, и будет

весьма скверно, если дело загубит тот, кто считается в этой цепи событий самым крепким звеном. Но вскоре мужчина успокоился, поскольку голос ученика зазвучал с новой силой.

– Я буду контролировать твою корпорацию. Карина будет жить, клянусь тебе, Лазарь! – говорящий замолк, но вскоре заговорил снова. – Когда ей было тринадцать, а мне восемнадцать, мы в твоём доме дали клятву любить друг друга вечно.

– И сейчас у тебя, кажется, появился хороший повод доказать это, мой мальчик... – шевельнувшись, мужчина поморщился и отправил дрожащую руку в карман. – Боюсь, медсестры мне уже не помогут. Вот так, мой друг... если хочешь что-то сделать, сделай это сам...

С этими словами он вынул из кармана пиджака шприц и, сдернув зубами колпачок, вонзил иглу себе в шею. Стоящие рядом молодые высокие люди, тревожась о том, чтобы хозяин, не дай бог, не простудился, распахнули свои пальто и прикрыли его полами.

– Ты доделаешь дело, я знаю... А этот, – мужчина кивнул на вход в приют. – Теперь он будет предан тебе до гроба... Нет более преданных друзей, чем те, кто однажды уже предавал.

И он снова закашлялся, но на этот раз приступ затянулся. Разрывая от надсады легкие, мужчина совершенно выбился из сил.

Разглядев насквозь пропитанный кровью платок, он улыбнулся и спрятал его в карман. Махнув собеседнику рукой, он велел ему садиться в машину. И, едва за тем захлопнулась дверца, мужчина безвольно пожевал губами – лекарство начало в нём свою работу.

– Статуя из золота – этого для меня слишком много. Мне достаточно и приемников с оловянным сердцем...

Выпрямившись, он развернулся в сторону седовласого, похожего телосложением на римского центуриона начальника охраны.

– Завтра утром приедете к нему и передадите все мое имущество. Если в течение десяти лет он не организует производство, убейте его.

Убедившись в том, что он сделал этим вечером все и даже, пожалуй, больше, чем запланировал, мужчина поднял глаза к серым, стремительно мчащимся над землей облакам и глухо захрипел. И голос его был последним аккордом обрушившейся на Серебряный Бор непогоды:

– Так кто же из нас Бог? Тот, кто вгоняет в могилу, утешая тем, что испытует, дабы принять к себе, или я, который не утешает, а возвращает жизнь?

В прихожей приюта у самой двери, хлопающей от сквозняка, как калитка, лежал с перерезанным горлом Макарка. В руке его уже давно перестала дымиться сигарка из календарного листка с цифрой 15. Теперь в приюте не осталось никого, кто смог бы описать странного гостя, явившегося к нищему больному по фамилии Старостин.

## Глава 1

Последняя порция виски была лишней. В его голове зашумело, как в голове старого пьяницы, хотя он не был ни старым, ни пьяницей. Он очень молод и пышет жаром здоровья, как доменная печь, и только по этой причине, наверное, еще не свалился под барную стойку.

У-а!

Еще пятьдесят! За выпуск, который все-таки случился. За красный диплом и безупречную репутацию лучшего студента лучшего столичного вуза, за ту темную сторону его жизни, которая, слава богу, не стала достоянием тех, кто считает его лучшим студентом с безупречной репутацией.

Все кончено. Общежитские перетрахи, сладкий вермут и покер до утра – все осталось прочитанной главой среди прочих страниц, лежащих слева от будущей жизни. С течением времени некоторые из них будут выхвачены, вырваны ветром событий и, перелистывая на закате жизни этот, движущийся к эпилогу бестселлер, он с удивлением обнаружит, что одна из глав прерывается на середине, из другой пропало несколько абзацев, и уже ни за что не удастся восстановить мелочи, унесенные Летой и канувшие в нее, как в омут. Пропавшие листы будут еще приносить однокашники, но он уже никогда не вставит их на нужное место, поскольку любая встреча однокашников спустя годы – обязательная пьянка.

Наверное, я на самом деле пьян, поскольку говорю о себе, как о постороннем. Впрочем, показателей помутнения разума лучшего студента юрфака и без того достаточно. Забрызганный шампанским пиджак, вздыбленный из-под его отворотов воротник сорочки, он торчит крыльями чайки и мешает всякий раз, когда я подношу рюмку ко рту, – вот признаки того, что веселье входит.

Кто день и ночь грезит о белоснежной красавице яхте с алыми парусами, тот рано или поздно отвяжет от пристани чужую лодку. Так и случилось. Три последних месяца мы только и мечтали о том, как скинемся и сдвинем несколько столов где-нибудь в «Сафисе» или ресторане «Президент-Отеля». А все закончилось феерической пьянкой в подвале бара на Малой Ордынке. Впрочем, еще не закончилось... Как мы тут оказались, я уже не вспомню и под пыткой, потому что появились мы здесь, одиннадцать выпускников группы «11-Ю», уже будучи сильно разбавленными. Чуть-чуть в общежитии, чуть-чуть с любимым преподавателем, еще немного – на улице, после вручения дипломов, и еще – по дороге в этот кабац. Редкие посетители, поняв, что скоро окажутся в эпицентре разудалого веселья, не входящего в их планы, благоразумно убрались, и лишь один мужчина лет сорока в чистеньком костюме и темной сорочке остался сидеть, с безразличием потягивая пиво и листая свежий выпуск «Коммерсанта». Вскоре он стал прозрачным, и я его потерял из виду.

Сейчас уже с трудом припоминаю, о чем говорил только что... Ах да, я пытаюсь вспомнить, как мы здесь оказались. Но ничего не получается. Я не помню. Мы пили, куда-то шли, шли и в конце концов оказались здесь, где я на латыни и произнес первый тост:

– Sic itur ad astra!

Что я имел в виду, заявляя, что к звездам идут именно так, а не иначе, я не знал тогда, а сейчас мне и вовсе не до этого. Три наши девочки смеялись, одна из них, Риммочка, придвигалась ко мне все ближе и ближе, и я дошел до той степени алкогольного опьянения, когда посчитал возможным заказать фужер с игристым и заорал, глядя почему-то на бармена:

– Virginitas is a luxury!<sup>1</sup>

Клянусь богом, он ничего не понял, потому что если бы понял, рассердился. Риммочка же рассмеялась и приняла это как оценку своих попыток овладеть мною еще до выхода из

---

<sup>1</sup> Девственность – роскошь! (лат.)

кабака. Ее рука ползала по полуметру моей ноги, от колена до ширинки, и колено при этом ее волновало меньше.

Я перешел на латынь, потому что возникли проблемы с русскими шипящими. В латыни слова можно рубить с плеча, не заморачиваясь тем, что по произношению догадаются о твоей невменяемости. Пытаясь выяснить, пил ли я, Ирина постоянно заставляет меня произнести: «фиолетовенький». Это слово я перестаю выговаривать даже после пятидесяти граммов водки. Я вспомнил о Ирине, и нога моя машинально дернулась в сторону от руки Риммочки, которая уже не гладила, а яростно скребла ногтями.

Латынь – язык для врачей и юристов. Первым она нужна, чтобы писать нечитаемые рецепты, вторые ее используют, чтобы поднаддеть на кулан образованности вислоухого прокурора в суде или блеснуть чешуей на международном симпозиуме. Настоящая любовь приходит через ненависть. Я возненавидел римское право и латынь со второго курса, но уже к четвертому, проникнувшись странным чувством раскрепощенной привязанности, знал эти предметы едва не лучше преподавателей.

– Пошли в туалет, – шепчет мне пахнущим виски воздухом Риммочка, и я по причине отравления спиртным не сразу соображаю, что пойти в туалет я могу с Вадиком Грезиним, с Колей Абрамовым, к примеру, но никак не с Риммочкой. Однако, повинувшись странному инстинкту уступить просьбе женщины по любому поводу, снимаюсь со стула и нащупываю ногами твердь.

Риммочка пылает. Она уже дышит в ритм и руки ее не слушаются. Она рвет на мне рубашку, глаза ее блестят нездоровым светом, и я едва поспеваю за ней, утопающей во мраке подсобных помещений. Не дотащив меня до туалета, она закидывает мне на бедро ногу и прижимается спиной к стене.

Я знаю – она мечтала об этом с первого курса. Невозможность трахнутья со мной все пять лет приводила ее в бешенство. Риммочка очень красивая девочка, я знаю, что ее пригласили работать юристом в «BMW», и там, верно, есть немало таких, с кем она делала бы это с большим удовольствием, но осознание, что пять лет находиться в состоянии запа€да на мужика и ни разу с ним не перепихнуться – мазохизм, толкает Риммочку на решительные действия. Сначала ее удивляло, почему другие, а не она, а полгода назад, когда я стал жить с Ириной, Римма вроде бы успокоилась, – мне так показалось, что успокоилась, но уже через месяц я сообразил, что мне это действительно показалось. Кратковременный демонстративный холод после обжигающего жара был той паузой, когда начавший дымить вулкан на некоторое время успокаивается, чтобы взорваться лавой. Страсть Риммочки ко мне зафонтанировала с новой силой, и мне бы поговорить с ней, но я не сделал этого из-за гадского мужского самолюбия. Знать, что по тебе сохнут многие красивые девочки курса, а самая красивая из них так просто изнемогает от желания, было приятно...

Это-то меня сейчас и губит. Вздергивая ее юбку до груди, я, полоумный от спиртного, срываю с нее трусики-невидимки, – они настолько эфирны и символичны, что даже рвутся с каким-то беззвучным шелестом, впиваюсь ей в губы и вжимаю Риммочку в стену с такой силой, что в ней что-то хрустит. Никого не стеснясь, она кричит и просит вдавливать ее в стену так, чтобы ей стало еще хуже. Не соображая, я делаю то, что просят. Она плачет от оргазмов, которые приходят один за другим, как рвотные позывы. Она уже не стоит, она висит на мне, чувство незащитности перед грубой мужской силой и сознание, что желание исполнилось, сжигают ее дотла. Она настолько озабочена каждым новым приливом, что даже не собирается подумать, хорошо ли мне.

А я, лишенный водкой и виски стыда, даже не думаю о том, нормально ли поступаю. Я начинаю об этом задумываться, когда все уже кончено, и мне удается как следует рассмотреть лицо Риммочки. Оно залито слезами и потом, губы дрожат от только что случившегося незем-

ного удовольствия, а глаза где-то там, в глубине ее реализованных фантазий, и я вижу лишь дрожащие ресницы и между ними – точащий слезу белок.

Ей хочется лечь, и я начинаю подозревать, не худо ли дело. Спиртное с транквилизаторами для нынешних девочек – гремучая смесь. Сорокаградусного пошла в ней под завязку, а эта встряска в коридоре будет похлеще амфитамина. Этот букет наслаждений может привести если не к летальному исходу, то к коме – точно. Однако вскоре Риммочка приходит в себя, ничуть не заботится о том, что трусиков больше нет, целует меня в губы поцелуем племянницы Дракулы и отправляется в женский туалет, чтобы поправить то, что было нарушено моим бычьим вторжением. Я следую в комнату для мальчиков, где долго мою лицо и разглядываю себя в зеркале. Оттуда на меня смотрит привычный Герман Чекалин с немного встревоженным взглядом и ослиными ушами над затылком. Случилось странное. Я точно знал, что Римма пять лет хотела меня пуще замужества и клялась в том, что рано или поздно мы сольемся с ней в экстазе. Я же пять лет знал об этом и клялся, что этого никогда не случится. Пили мы на равных. Победила молодость.

Выбравшись, я вижу, что Римма стала еще красивее. Секс превращает женщин в богинь. Сокурсники поют какой-то гимн, Паша Милосердов целуется с Викторией Гармаш, Коля Абрамов снял со стены портрет Элвиса в застекленной раме и танцует с ним рок-н-ролл под немного озабоченный взгляд бармена. Что касается Вадика, тот просто лежит на столе в зале и льет себе в рот, точнее, мимо него, кипящее шампанское. Когда бутылка пустеет, он просит принести новую и кричит, стараясь быть похожим на армянина:

– Эх, ва, марос, марос, ние марось миеня! Вах!

Праздник в разгаре.

Пока не поздно и не началось главное и страшное, о приближении которого я еще не подозреваю, есть время, чтобы объяснить, почему этот безумный секс в коридоре меня напряг и наполовину выветрил хмель из загруженной свежими знаниями головы. Дело в том, что дома, далеко от Малой Ордынки, меня ждет любимая девушка. Мы вместе уже шесть месяцев. Кажется, это называется гражданским браком. Кажется, потому что как юрист, даже как пьяный юрист, я не могу использовать это определение уверенно. Такого определения в ныне действующем законодательстве нет. Оно пришло оттуда же и приблизительно в то же время, откуда и когда прикатились «провайдеры», «медиа», «гламур» и еще несколько сотен тупо звучащих понятий, которые понятиями не являются. Мы с Ириной закончили один вуз, и разница лишь в том, что она сделала это на год раньше меня, и из нее получился не хороший юрист, а хороший экономист. Все то время, что мы вместе, я ни разу не спал с кем-то, кроме нее. Дело даже не в том, что мне не хочется этого, еще как хочется. Проблема в моей убежденности, существовавшей до сегодняшнего вечера. Если уж я выбрал в спутницы Ирину, значит, я выбрал ее в партнеры по сексу – этим правилом я руководствовался и им же гасил эрекцию всякий раз, когда она возникала на стороне. И вот сейчас случилось то, чего не должно было случиться. Я изменил Ирине, изменив своему правилу. Понимание этого тем горше, чем яснее осознание факта, что в этой компании я самый старший в прямом и переносном смысле. Лучший студент есть еще и самый старший по возрасту. Им по двадцать три, мне на три года больше, и никакие юридические познания и сила интеллекта не позволяют мне делать то, что я только что сделал.

А тут еще мужчина встает из-за столика, кладет на стойку что-то около десяти долларов, идет мимо меня и я скорее чувствую, чем слышу:

– Cave...<sup>2</sup>

Я настолько изумлен, что даже не смотрю ему вслед. Лишь хлопнувшая дверь и легкий аромат «Фаренгейта», проплывший мимо и затронувший мое обоняние, убеждают меня в том, что мужик был, он проходил мимо и теперь вышел. Но говорил ли он то, что я скорее почув-

---

<sup>2</sup> Будь осторожен... (лат.)

ствовал, чем услышал? Я обладаю повышенной телепатической чуткостью, так что даже если сейчас ничего и не прозвучало, я все равно бы понял, о чем он думал.

– Кто это был? – хрипло бросаю я в сторону трущего полотенцем бокал бармена.

Тот пожал плечами, и во взгляде его я прочитал: «Вас тут, ублюдков, по пять сотен за сутки бывает, так у каждого визитку просить?»

Я почувствовал непреодолимое желание торопиться.

– Герман!..

– Римма, я неважно себя чувствую, – вправляя воротник на место, говорю я той, что бросается вслед за мной.

– Герман... – умоляет она. После секса у сортира она мечтает о сексе в гостинице, куда, она была уверена, я ее обязательно повезу. Так она сумеет до конца отомстить Ирине, отнявшей меня и презревшей ее и прочих.

Хмель ушел, и это странно. Осталась тошнота от воспоминаний о сладострастных криках чужой женщины, чему я был причиной, легкое головокружение и непроходящее чувство собственной опасности. Таким я всегда чувствовал себя после двухдневных пьянок на третье утро.

Тем не менее я был все-таки пьян. И иллюзия внезапного протрезвления лишь доказательство тому, что пьян я крепко. Только этим можно объяснить, что одна из страниц улетела из книги жизни не спустя годы, а прямо сейчас. Вот только что Риммочка говорила мне: «Герман», а следующее, что я понимаю, – это шумящая вокруг меня Москва во втором часу ночи. Что было меж этим, и попрощался ли я с теми, кого увижу теперь нескоро, если вообще когда увижу, и целовал ли Римму, и просили ли меня остаться, – не помню. Не помню еще, ехал ли я до дома или шел пешком. Скорее всего, пешком, поскольку уже перед дверями нашей с Ириной квартиры вдруг понял, что неслабо замерз, а думать и говорить невозможно, потому что голова шумит от проезжавших мимо машин.

– Скажи хотя бы «беленький»? – улыбнулась Ирина, впуская меня внутрь, и меня перекосило от отвращения к самому себе. Я только что ее предал, а она об этом не знает. И пусть не узнает никогда.

Добравшись до постели, я сел на ее край и стал размышлять над тем, достоин ли того, чтобы на моем плече спала Ирина. За блядство по римскому праву отлучали от стола и ложа, и если уж я провозглашал в кабаке тосты на латыни, мне следовало бы теперь улечься голодным на коврик под дверь. Слава богу, что в таком состоянии мне достало ума подняться и направиться в душ. Мне нужно было смыть с себя запах чужой женщины, о присутствии которого мгновенно догадается женщина своя, вознамерившаяся лечь на твое плечо.

Закрывая глаза и вдыхая дорогой мне аромат Ирининых волос, я все-таки успел подумать о том, что я хороший юрист, а потому, прежде чем что-то делать, мне следовало бы подумать о том, что *nil inultum remanebit*.

Хороший юрист поймет.

## Глава 2

Первую минуту моего появления в компании можно было назвать приятной только с точки зрения Влада Дракулы, урожденного Цепеш. Едва моя нога появилась из лифта, кабина которого остановилась на восьмом этаже, где располагалась приемная президента, к которому я был приглашен для собеседования, от шума у меня едва не заложило уши.

Надо сказать, удивился я немного раньше, когда вызвал лифт, и он приехал не пустой, а с молодым человеком с белесого цвета лицом, который тут же спросил меня: «Вам на какой?» Его волосы были зализаны и закреплены лаком-фиксатором. Казалось, щелкну пальцем по этой прическе, и раздастся звон. Подумав, что молодой человек перепутал этажи – в таком громадном здании немудрено, – я ответил «Восьмой» и собрался было нажать на соответствующую кнопку, как вдруг молодой человек опередил меня. После этого сел на стоящий рядом – я только теперь его заметил – стул. Усевшись, он наклонил голову и упер руки в колени – типичная для астматика поза. В этом состоянии он и ехал несколько секунд, пока мчался лифт. Когда кабина остановилась, он поднялся и предупредительно встал сбоку от меня.

– Ты лифтер, что ли? – догадался я.

Перед тем как дверям разъехаться, он успел кивнуть.

Не успев понять, зачем скоростному лифту, кабине с самостоятельно расходящимися дверями и людям с пальцами лифтер, я услышал этот шум...

Шагнув на мрамор хирургической чистоты, я был вынужден тотчас уйти в сторону, поскольку мимо меня промчались двое, и эти двое держали в руках ручки медицинской каталки. Крутолобые охранники ростом никак не меньше двух метров пролетели мимо с лежащим на каталке человеком, и в какой-то момент мне показалось, что никакой каталки нет, и они стремительно несут его, держа за ноги и голову, как бревно.

Я помню, как мимо меня промелькнуло лицо несчастного, рыгающего кровью. Время словно остановилось на мгновение, и я успел рассмотреть губы, искаженные ужасной гримасой. Настежь распахнутый хрипящий рот, толчками выходящая из него кровь, заострившиеся черты лица и – самое страшное – глаза. Наверное, от болевого шока зрачки страдальца увеличились так, что цвет глаз его был неразличим. Лишь два черных угля, горящих болью и странной ненавистью, – вот все, что было в этих глазах.

Когда я снова вышел из лифта, каталка была уже далеко. Но с той же стороны, откуда она появилась, бегом следовал караван преследователей. Их лица были тревожны, они наперебой обменивались фразами, мне непонятными, и впереди этой странной процессии, поспевающей вслед за увозимым больным, трусцой бежал мужчина лет пятидесяти. Полы его дорожного пиджака развевались в ритме бега, галстук метался на груди раненой птицей, кто-то мог бежать быстрее него, несомненно, но не делал этого, из чего я заключил, что он и есть президент компании. Когда он поравнялся со мной, не замечая меня, хотя не заметить было невозможно хотя бы по той причине, что я стоял на его пути, он крикнул куда-то вслед исчезающей в лабиринтах коридора каталке:

– Немедленно на стол! Приготовить все необходимое, я буду через минуту!..

И тут я услышал издали, как из преисподней:

– Будь ты проклят, подонок!.. Чтобы дети твои, внуки твои и правнуки твои...

Что сулил всему президентскому роду до седьмого колена страшный больной, дослушать до конца мне не удалось. Каталка, ведомая сильными руками, скрылась из виду, и шум ее колес растворился в гуле сопровождающих.

– Боже, какое несчастье! – донеслось до меня.

– Почему мне никто не говорил?! – услышал я тот же голос, который только что велел приготовить все необходимое. – Почему он мне ничего не говорил?! Почему молчал?!

Судя по всему, вопросы были из разряда риторических, потому что ответом пытливого президента никто не одарил, хотя это можно было сделать, как я думаю, даже из соображений такта. Можно было сказать: «Да, он никому не говорил, так откуда же нам знать, если он даже вам не сказал?»

Что должен был сказать извергающий проклятья всем и лично президенту, было непонятно. Как непонятно для меня было и многое другое. Прибыл я в фармацевтическую компанию, а в фармацевтических компаниях, насколько мне позволяет судить об этом образование, никаких операций не делают. А здесь, кажется, намечалась именно операция, поскольку «стол» и «все необходимое» в свете разума и происходящих событий – это не обеденный стол и не ложка с вилкой, а именно лежак под софитами и стерильные инструменты.

Я посмотрел на торопящегося в том же направлении, в котором проследовала каталка, человека.

– Сергей Олегович, я забрала из актового зала ваш органайзер! – услышал я и увидел бабенку лет сорока пяти, торопящуюся вслед за тем, кого она назвала по имени. Близко-близко и часто-часто переставляя ноги, обтянутые чулками, капрон которых уже не мог скрыть шагреновой кожи своей хозяйки, бабенка спешила, и слова ее показались мне в этой ситуации лишними, словно вставленными в события по ошибке монтажера. О каком сейчас органайзере может идти речь, если весь мрамор заляпан черной кровью и двое в черных костюмах, похожие больше не на охранников, а на сотрудников ритуального хозяйства, катят каталку, похожую больше на гроб?!

Сергей Олегович, значит... Жилистый и высокий, невзрачный, но сильный, не обращая ни на что внимания и гордо держа голову, бежал Сергей Олегович Старостин по широкому коридору своей компании, превратившемся в дорогу смерти...

Я смотрел на его ровную спину до тех пор, пока он, скинув тысячдолларовый пиджак на пол и забыв про него, не скрылся за поворотом. Все остановились. Бабенка с органайзером под мышкой засучила дальше. Я долго стоял и смотрел на нее, и это продолжалось, кажется, вечность. Она подняла пиджак, отряхнула его, прижала к груди и понесла обратно. Я счел нужным отвернуться. В эту минуту я готов был поставить сто к одному, что это жена Старостина. Жены больших людей на работе и в обществе называют своих заек и солнышек по имени и отчеству. Так надо.

... Я представился в приемной, куда вернулась после странной погони секретарша. Меня попросили присесть и подождать. Совсем обычная для русского слуха просьба превратилась для меня в суперобоснованное заявление. Я не представлял себе, как после всего увиденного я сделал бы кривое лицо и стал бы высказывать недовольство. Немыслимо, но это в натуре тот самый случай, когда человек, к которому ты пришел на прием, слишком занят.

Дабы развлечь гостя, о появлении которого в приемной секретарь была предупреждена, она начала разговор так, как начинают его люди, не склонные к ярким диалогам.

– Вам нравится наша компания?

Это вопрос человеку, который в компании тридцать минут.

– Мне нравятся ее запахи.

Я вижу изумленный взгляд человека, не привыкшего к общению с человеком, склонным к ярким диалогам.

– То есть?

– Мне доставляет удовольствие по запахам человека распознавать его характер, интересы и возможные поступки.

Ей стало интересно.

Я здесь новый человек в исключительном смысле этого слова.

– И больших успехов вы добились?

Я пожал плечами, набивая цену.

– Мимо меня провезли окровавленного мужчину, и я почувствовал два запаха. Два не очень дорогих лосьона после бритья, пользовались которыми, скорее всего, охранники, везущие каталку. Лежащий на ней человек в дорогом костюме так пахнуть не может, из этого я заключаю, что он вообще не использует парфюм.

Секретарша при упоминании об инциденте встревожилась.

– У Анатолия Максимовича аллергия, он действительно не пользовался одеколоном.

– То, что я видел, не последствия ли собеседования у президента компании, от которого пахнет энергичным «Лакоста»?

– Вы неплохо разбираетесь в запахах мужских одеколонов, – подумав, ответила секретарша, имя которой я узнал через полчаса – Мира.

– Гораздо хуже, чем в женских.

Она игриво подняла бровь.

– Я московский студент, мисс. Я возмужал в общежитии. Но большую часть времени проводил в общежитиях женских. То есть в помещениях, где все выставлено напоказ, в том числе и духи. Поэтому у меня была возможность сопоставлять запахи с темпераментом и интересами женщин, которых я хорошо узнал.

Она улыбнулась.

– Чем же пахнет от меня? Каким темпераментом?

– От вас в мою сторону, мисс, дышит жизнь. Зато от молодого человека в очках с выпуклыми линзами, которого я встретил в лифте, пахнет если не смертью, то ее приближением.

Девчонка расхохоталась.

– Это Менялов! Он наш лифтер, нажимает кнопки в кабине и получает за это восемьсот долларов в месяц. У него дом полон животных. А сейчас разрешите оставить вас в одиночестве, звонит телефон, и я не могу не ответить.

Потом телефон звонил и звонил, так что чтение «Life» и просмотр комиксов занял еще около получаса. Столько времени прошло с момента моего появления на восьмом этаже до возвращения в приемную Старостина.

– Вы, верно, Чекалин? – бросил он, играя желваками и буквально посыпая меня пеплом серых глаз. – Заходите, Герман. Мира, два кофе. Мне двойной. Может, и вам двойной?

Я сказал, что двойной, уж очень мне хотелось получить эту работу.

От президента пахло апельсиновым мылом. Так пахнут хирурги, закончившие операцию и вышедшие после ее завершения из душа. Когда он раскурил сигару и пригубил густой черный кофе, во мне растеклась такого же цвета зависть. Когда я вижу человека, который в пятьдесят с небольшим в состоянии курить кубинские сигары и заказывать дабл-арабика, можно не сомневаться, что предыдущие годы его не трогали ни дефолт, ни голод, ни стрессы.

– Господин Чекалин, я знаю точно, что вы не из тех, кому нужно объяснять простые истины. И я знаю, что вы знаете – хорошего юриста нынче не найти днем с огнем.

Я смотрю на портрет да Винчи за спиной президента СОС и пытаюсь понять, вызов это или портрету Путина нашлось место в более торжественном помещении.

– Откуда вы это знаете?

– В течение шести последних месяцев специалистами нашей компании проводились исследования в рамках программы «Претендент». Для этого в шести столичных вузах были взяты на карандаш двадцать четыре перспективных студента, и все шесть месяцев эти двадцать четыре кандидата изучались на профессиональную пригодность. После окончания между вами и остальными двадцатью тремя молодыми людьми был проведен конкурс, по результатам которого вы были объявлены победителем.

– Конкурс, проводимый без участия конкурсантов?

– Вот именно. Чтобы понять, что вы из себя представляете как юрист и надежный человек, ваше присутствие необязательно, господин Чекалин.

Я внимательно посмотрел на президента компании. Я надеялся увидеть на его лице хотя бы намек на то, что такое можно говорить лишь в силу вьезшейся привычки пустозвонить из соображений корпоративной необходимости. Тянущие ляжку служащие компании должны быть убеждены в том, что их члены длиннее, мозги светлее, отношения самые яркие и дружелюбные, даже если они в этом не особенно убеждены. Корпоративный снобизм – часть внутренней политики. Мне неоднократно приходилось общаться с такими людьми, и несмотря на то, что все это для меня не было в диковинку, я всякий раз напрягался и отводил глаза. В это единство духа я не верю, я верю лишь в коллективную вонь, не верю в преданность, потому что верю в необходимость любого биологического организма выживать, и пропасть, лежащая меж этими верой и неверием, столь глубока, что перемахнуть ее сразу мне вряд ли когда удастся.

Директор говорит о честности своих сотрудников, а я снова не верю, поскольку величие честности зиждется на ее прочной невыгоде. Я логик, и умение мыслить рационально позволяет мне сделать вывод о том, что если бы честность была выгодна – речь идет о настоящей честности, а не «честности во благо отдельно взятого коллектива», – то невероятное количество подонков ходило бы в честных людях. Но подонки даже не пытаются покрыть себя покрывалом честности, потому что незаметно можно покрыть себя только покрывалом, скажем, меценатства. Сидит такая мразь в горсовете, выкупает ветеранские магазины по всему городу, зарабатывая на обирании стариков миллионы, и телевизионно жертвует десять тысяч на баранки и несколько пачек цейлонского на ветеранские посиделки 9 мая. Кто и как обирает – большой-большой секрет для всех, но вот кто жертвует... Телевизор-то поди у всех есть, все видят.

С честности президент переключился на преданность, и я заставляю себя не ерзать на стуле. Я всегда ерзаю на стуле, словно мне в анус заползает аспид, когда слышу нелепость, возведенную в ранг канона. Корпоративная преданность в моем понимании – это помноженный на два униженный обстоятельствами эгоизм сотрудника за вычетом чувства собственного достоинства. Результат этих арифметических действий вставляется в панцирь корпоративной преданности, и этот механизм начинает двигаться в точном соответствии с заложенной в панцирь программой дальнейших мероприятий. Программа исключает возможность подчиняться собственной воле, а потому результат математических действий вынужден ссать под себя, поскольку в туалет идти не время, бросает курить, потому что в плане панциря такая трата времени не предусмотрена. В итоге он ломает собственные привычки, в том числе и приятные, и двигается, двигается, двигается. В его органайзере несколько десятков записей, стрелки на его часах вращаются словно лопасти вертолета, он уже не помнит, кто такой Чехов, если это не Чехов из отдела рекламы, ему нужно успеть в сотни мест, и временами стороннему человеку начинает казаться, что, выпусти новичка из панциря, и он разбежится в разные стороны.

У меня во дворе у Никитских Ворот жил старик-армянин. Милейшей души человек, баловавший конфетами «Дунькина радость» нас, мальчишек, всякий раз, когда появлялся во дворе. Он зарабатывал тем, что устраивал представления. Устроившись посреди двора, он вынимал русскую балалайку и начинал петь:

– Эх, ва, марос, марос, ние марось миеня! Вах!

И стоящий перед ним петух начинал подпрыгивать на месте. Сначала он прыгал, поочередно меняя лапы, потом прыгал, входя, видимо, в раж пляски, на обеих. Публику это веселило, и каждый из зрителей считал западло не подарить армянину полтинник с изображением стоящего и показывающего куда-то в космос Ильича. На рубль армянин покупал в гастрономе нам, пацанам, конфет, уходил, а мы оставались и, гоня за щеками сахарные подушечки, до хрипоты спорили о том, как армянин научил петуха танцевать. Предлагались самые невероятные версии. Вадик Грезин (мы жили на одной площадке пятого этажа хрущевки) уверял,

что все дело в гипнозе. Старик смотрит петуху в глаза и говорит: «Танцуй, танцуй, ара». Кто-то выдвигал версию о запугивании петуха усекновением головы. Я же в споры не вступал, потому что с момента появления на свет (если верить моим маме и папе) сначала искал правильное решение, а потом его защищал. По этой причине в шумных дискуссиях по поводу талантов петуха я не участвовал, но в голове моей все равно шла упорная работа, и в какой-то момент я почти убедил себя в том, что никакой заслуги старика-армянина нет, и эти танцы впрыскаю, скорее всего, результат уникальных способностей петуха распознавать среди прочих звуков брэнчание балалайки. Но от этой версии пришлось почти сразу отказаться, потому что однажды старик появился во дворе с новым петухом, потом с третьим, а вскоре и с четвертым, и я уже тогда мальчишескими мозгами понял, что находить такое количество интеллектуально одаренных петухов не под силу даже бывалому армянину. Правильный ответ оказался настолько прост, что разочарование преследовало меня долгие годы и преследует до сих пор. Перед самым выпуском из школы я не выдержал и спросил старика, пришедшего во двор:

– Скажи, дядя Рафик, как ты учишь петухов плясать?

– Вах, Гера, хлеб отнимаешь... Но тебе скажу. Ты хороший мальчик. Возьми петуха на базаре, поставь на сковородку и накрой клеткой. Включи плиту, а сам играй на балалайке. Сковородка станет горячий-горячий, петух начнет прыгать, а ты играй и пой. Неделю включай плита и пой. А потом ставь петуха на пол и играй без огонь. Петух станет сам плясать... Вах, Гера, никому не говори, ты хороший мальчик...

И сейчас, слушая президента и его теорию о корпоративной преданности, я вспоминаю старого армянина. Жизнь шагнула вперед. Сковородки теперь не актуальны. На сотрудников, подготавливаемых к работе в компании, нынче надевают панцири и управляют ими из общего центра управления. Вместо огня – перспективы месячных и квартальных премиальных, вместо балалайки – бла-бла-бла-тренинг на совещаниях и семинарах. Через месяц готового андроида можно ставить на пол, и тот начнет двигаться и думать точно так же, как это делал за него только что снятый панцирь.

– Почему я? – мне вдруг захотелось прервать президента именно сейчас, когда он заговорил о строгой дисциплине и ответственности.

– Вы не любите опаздывать, вы дотошны, вы умеете быть преданным. Ваши познания выходят за рамки учебной программы. Вы гениальный юрист, господин Чекалин, но в силу своего молодого возраста и недостатка опыта об этом еще не догадываетесь. – И он заговорил о милосердии внутри компании.

Я знаю, что такое милосердие внутри компании, я много слышал о ней из уст тех, кто пресытился ею, и ею же был уничтожен. Милосердие в компании – это дорожные знаки, установленные на дороге, по которой Христос несет свой крест к Голгофе. Осторожно, опасный поворот... Будьте внимательны, ножку не подверните, здесь скользкий участок дороги... А в этих воротцах ограничение по высоте – три метра... Так что пониже крестик, пожалуйста, а то, не приведи господь, спину поцарапаете...

Да, и на специалиста из отдела продаж Иуду зла не держите, он поступил как настоящий товарищ...

– Вы возглавите направление отношений с поставщиками сырья. – Президент Старостин надевает очки, и глаза его превращаются в лазеры. – Господин Чекалин, это очень ответственный пост, и он формально приравнивается к уровню начальника отдела. Соответствующая и зарплата. Все, что вы будете делать, это проверять законность перечисляемых и поступающих средств. Не задавайте лишних вопросов, не теряйте время на выяснение обстоятельств прихода или расхода, если это не противоречит закону. За вас это будут делать бухгалтеры. В нашей компании каждый отвечает только за свой участок работы, и на этом зиждется ее благополучие. Нам не нужны лишние вопросы от налоговых органов, и ваша задача сводить желание их задавать к минимуму. Зная вас, я могу утверждать, что вы в силах вообще избавить нас от таких

вопросов. Я краток, и мои слова могут вызвать у вас недоумение по поводу того, что в добросовестной компании юристу не нужно заниматься проблемами выяснения обстоятельств. Но я краток, потому что истина всегда имеет краткий вид. Все юристы занимаются только этим. Закон несовершенен, и многие хотели бы видеть СОС разоренной дотла. Для этого хороши все методы, и наш закон лучшее тому подспорье. Вы здесь для того, чтобы остальные занимались работой и не отвлекались на мелочи. Спасение человеческих жизней всегда было связано с жертвами, поскольку не всем выгодно, чтобы жизни спасались. СОС нанесла сокрушительный удар фармацевтическим компаниям, производящим лекарства для раковых больных. Эти компании кормили человечество совершенно бесполезными пилюлями, а теперь они несут немислимые убытки. «Убийца рака» убил не только рак, но и производителей бессмысленных дорогостоящих медикаментов.

Сняв очки, Старостин стал искать на моем лице понимание. Я помог ему его найти.

– Ваше место работы – головной офис. Северная часть, занимающая две трети всей территории СОС, – производственная. Вам там делать нечего. Даже мне там делать нечего.

Я смотрю на президента, губы его шевелятся, я слышу и воспринимаю то, что он говорит, отвечаю ему, я уже почти согласен на вербовку в качестве андроида на корпоративной привязи, а за спиной президента стоят сотни тех, с кем я учился, и они орут, как чайки:

«Скажи, Чекалин, какого хера ты здесь сидишь, если способен отравить ядом все, что тебе говорят?»

А мой педагог по криминалистике аж слюной брызжет, ему так не хотелось ставить мне «отлично», когда он узнал, что я иду в СОС.

«Я тебе говорил: твое место – в прокуратуре!»

В прокуратуре... Я смеюсь и кричу ему:

«В качестве кого?»

– Вы улыбаетесь, потому что вам смешно то, что я говорю, или у вас просто хорошее настроение?

Плохо начинать службу с вранья, но я отвечаю президенту, что у меня в душе праздник. Никакого праздника там, конечно, нет. Моя душа, как выгребная яма, заполнена дерьмом. Я здесь только для того, чтобы начать, но сотни из тех, кто кончил вместе со мной, готовы уже сейчас поменяться со мной местами. Даже Риммочка, узнав, сколько предлагают юристу в СОС, предложила поменяться с ней местами. Глупо. Ее выбирал «BMW», меня – СОС. Сергей Олегович Старостин, президент крупнейшей фармацевтической компании. Это его интересы я призван защищать юридически грамотно и профессионально самоотверженно.

– Война за крупный бизнес и суперприбыль, то есть главное, списывает нам мелкие детали, – говорит СОС, заглядывая внутрь меня, как в колодезь. – А потому прошу вас простить нас за небольшие вольности.

Я не совсем понимаю, о чем речь, но вскоре все становится на свои места.

– Шесть последних месяцев ваша юридическая дееспособность была объектом нашего внимания и изучения. Вас вели на практике, вам предлагались различные жизненные ситуации, из которых вы должны были выходить достойно. Вы справились блестяще, мы приняли бы вас, оправдай вы наши надежды даже всего наполовину. Но вы использовали свой талант на все сто. Как вышло с этим кокаином, Герман, – и президент смеется, словно невзначай назвав меня по имени.

Я начинаю темнеть от злости, потому что тут же вспоминаю все неприятности, которые одна за другой вдруг свалились на мою голову как раз в последние шесть месяцев. Мое молчание есть сигнал президенту насторожиться, но он этого не делает, поскольку вместо того чтобы шесть месяцев изучать мой внутренний мир и причины, которые могут заставить меня рассвирепеть, он изучал мои способности юриста. А зря. Ему бы следовало знать, что мое мол-

чание – признак плохой погоды. В такие минуты, когда насквозь пропитываюсь ядом злости, как тарантул в брачный период, я особенно опасен.

За сто пятьдесят последних дней ни с того ни с сего меня пытались отчислить по надуманным причинам; интеллигентные и с виду непьющие соседи затопили мою квартиру и сказали, что я сам виноват; я был взят с кокаином, и это был настоящий кошмар, поскольку кокаин я не употребляю, и все это время я крутился то в суде, то в милиции, то в прокуратуре, как белка в колесе. Я победил всех, и теперь ответ на вопрос, почему не прокуратура, для меня еще яснее прежнего. А сейчас выясняется, что вся эта пакость, свалившаяся мне на голову, словно клубок червей, не что иное, как «проверка моей юридической дееспособности». Я злюсь оттого, что уже сейчас становлюсь частью этой компании. Мне говорят: «Простите нас», нас, а не его, все организовавшего, и меня это ничуть не обижает, и я уже готов простить. Готов, хотя еще полчаса назад знал наверное, что коллективного чувства стыда, как и вины, не бывает. Прятать от стыда взгляд может только один человек, а не группа людей, но этот человек краснеть не собирается, и всю вину за страшные прожитые мною шесть месяцев сваливает на «нас», то есть теперь уже на «нас» вместе со мной, поскольку вопрос о том, согласен ли я стать частью «их», уже практически не стоит.

Интеллигентные соседи, прокуратура, судья, всерьез разбиравшийся с «потопным» делом, опера, требовавшие меня признаться в том, что купил кокаин, а не нашел его на улице, и совершенно не принимающие на веру версию того, что это вообще-то их кокаин, а не мой, – вы, стоящие за спиной президента и оружие, словно чайки, вы и теперь будете рвать глотки и вопрошать меня, какого ляда я тут делаю? А куда идти? В прокуратуру, в суд? Кому служить, если даже интеллигентные соседи смотрели мне в глаза и говорили в суде, что я должен был сразу сообщить в ЖЭК о потопе, а не ходить по ресторанам до полуночи.

Мне двадцать шесть, я уже большой мальчик, а потому о событиях в этом страшном и противоречивом мире знаю из источников, заслуживающих доверия. Если хочешь возбудить в отношении кого-то уголовное дело, то изучи прейскурант услуг УВД. Заплатив начальнику следствия, живи спокойно, но потом придется заплатить прокурору, чтобы дело направилось в суд. В суде – своя статья. Все делятся, всех испытывают на прочность. Придя в одну из этих систем, нужно научиться жить по их корпоративным правилам. Губернаторы берут миллионы за предоставление земель, которые должны предоставлять бесплатно, мэры и сыновья председателей судов давят насмерть простолюдинов и вся вина за смерть этих простолюдинов ложится на самих простолюдинов, «гаишники» организуют банды, опера организуют преступные сообщества, так что стоит ли винить СОС в почти невинном желании проверить лояльность будущего сотрудника?

– Компенсацию за откровения, которые вас, Герман, наверняка неприятно удивили, компания берет на себя. Мы дарим вам квартиру на Кутузовском проспекте, машину и пятьдесят тысяч долларов. Как юрист вы нас устраиваете, так что если вы говорите «да», уже сейчас можете направляться в кабинет вице-президента, где вам вручат ключи, а после следовать в бухгалтерию, где вам выдадут подъемные.

– Я говорю «да», – это как раз тот самый момент, когда от тебя требуют быть серьезным человеком, а потому раздумья на лице могут счесть за слабоумие.

Президент протянул мне руку, и я вижу, как на одном из пальцев блестит искусной работы перстень с бриллиантом карата в четыре.

– Тогда добро пожаловать в СОС, сынок!

Я вяло (корректно) подержался за его руку и, не выпуская ее, спросил:

– Он умер?

Старостин поднял на меня глаза, и я с удивлением увидел в них искреннее недоумение. Так смотрят люди, которые не понимают, о чем речь. Например, проститутка, отвечающая на

вопрос, любила ли она кого не за деньги. Но потом он вспомнил и снова покрылся паутиной разочарования.

– Вы о Гореглядове, верно? Да, он умер. И это невероятная потеря для компании. Я не представляю, как сейчас сообщать о кончине этого замечательного человека его семье... Быть может, вы сообщите?

– Я?! – я изумился до такой степени, что дал петушка.

Теперь он не выпускал мою руку. И мне показалось, что взгляд его проник в мой мозг и там ищет что-то еще, помимо этого моего «я». Потрясения для меня продолжались. Их уже очень много для одного часа работы на новом месте службы.

– Умение дарить жизнь неминуемо приводит к необходимости сообщать о смерти. При- выкайте, Герман. Я дам вам адрес.

Но потом он вдруг изменил решение и послал к вдове и сиротам какого-то Говоркова. Мне же пожелал удачи и сказал, что по территории СОС, точнее сказать, по той территории, куда разрешено заходить смертным, меня проводит некая Раиса Максимовна, вице-президент. Я ожидал увидеть красотку лет тридцати с искристым взглядом, который вице-президент будет выдавать за деловой, но ошибся.

## Глава 3

И все-таки быть дуалистом в наше время – напрасная трата сил. Более того, это невыгодно. Новый мир нужно принять со всеми его красками, войти в него без головного убора и желательно разувшись. Это потом, спустя некоторое время, ты будешь лежать на диване этого мира в обуви и трясти пепел за спинку, и никто не возмутится этому свинству, потому что ты уже хозяин этого мира, а хозяин волен делать у себя дома все, что захочет.

Упрекать СОС за шестимесячный контроль над моей жизнью, с точки зрения положительного героя, можно, а потому, как говорит один публичный человек, до€лжно. Однако когда после этого тебе, приняв за своего, вручают ключи от «Мерседеса» (в СОС юрист не может ездить на чем-либо ниже классом), и когда тыходишь под руку с любимой женщиной в пахнущую антикварной мебелью трехкомнатную квартиру, попытки вмешательства в твою личную жизнь не кажутся такими уж страшными. «Это сейчас такое время, – шепчет мне непонятно откуда заползший под кожу и уже пробравшийся вовнутрь безымянный червячок. – Ты сам посуди, – продолжает он меня уговаривать, – что такое пакетик „кокса“ в кармане, если бы тебя все равно не упекли, а сейчас ты имеешь то, о чем твои сокурники даже мечтать не смеют?»

Червь прав, сука. Ирина водит по стенам квартиры округлившимися от изумления глазами, и червь, будь у него руки, обязательно показывал бы на нее одной из них, а то и двумя сразу, попискивая:

– Не об этом ли она мечтала? Ну, трахнули тебя пару раз по указке, но не тот ли, кто указывал, сделал счастливой эту женщину? – и он тыкал бы в Ирину пальчиком. – Да ведь и не трахнули же, верно? Так, штанишки чуть приспустили... Зато ты им и себе доказал, чего стоишь. Не бойся, все будет хорошо.

А я и не боюсь, потому что уже давно боюсь всего, и именно поэтому испугать меня чем-то решительно невозможно.

– Герман... – шепчет Ирина, и мне не по себе, потому что сутки назад точно так же шептала Риммочка. Я помню, да-да, я постоянно помню о том, что случилось у туалета в кабаке после отвальнoй. Сколько времени еще должно пройти, чтобы я забыл? Эти оргазмы сотрясают мою совесть, они не дают мне возможности остаться наедине с собой хотя бы на минуту, и едва я вспоминаю влажное от возбуждения лицо Риммочки, как тотчас отвожу глаза от предмета, на который смотрю. Мне кажется, что даже столб на дороге источает презрение, и эта штора шевельнулась не от ветра, а от омерзения.

Зачем я был с Риммой?..

– Герман, это невероятно, – шепчет, как заговоренная, Ирочка. – Это... Это все наше? Мне не остается ничего другого, как кивком удовлетворенного делами сноба подтвердить.

– И эта кровать?

– Да.

– И... картины на стенах?

– Договор купли-продажи оформлен на мое имя.

– И... шторы?

Далась ей эта трепещущая штора! Она ее заметила только потому, что та шевелится, и, будем надеяться, Ирочка не поняла почему.

Если мою девочку не остановить, она будет ходить и спрашивать, наше ли это, часа два. Предметов в подаренной мне компанией квартире достаточно, так что ни одна минута без вопроса не останется. Ирина не из бедной семьи, ее отец владеет в Москве несколькими магазинами, но она была свидетелем того, как приходит достаток, она знает, что достаток увели-

чивается постепенно, через труд и лишения, он не возникает из ниоткуда, и потому ей теперь трудно поверить, что существует другой вариант. Она не юрист, но переведи я ей с латыни *nil inultum remanebit*, она безоговорочно согласилась бы с этим заявлением. Ей невдомек, что все это – и квартира, и машина – не упало с неба за просто так, за все это мною уже предоплачено, и потому на лице ее восхищение, в которое вмешивается, между тем, страх.

– Герман, это, наверное, могущественная компания?

О да, отвечаю я ей. Она спрашивает, могущественней ли она «Феррейна» Брынцалова, и я, чтобы не портить общего впечатления о новом месте службы, подтверждаю и это.

– Вот только понять не могу, зачем они взяли у меня пункцию из позвоночника.

Она с изумлением посмотрела на меня.

– Как?

– Как... Так. Обязательная процедура. Они должны быть убеждены, что я ничем не болен. Взяли кровь, мочу и пунктировали.

– Ну, за такую квартиру можно и потерпеть... – на губах Иринки запорхала легкая улыбка. Ее, видимо, никогда не пунктировали. – Да, это могущественная компания, – говорит она, добавляя к моим заверениям и толику собственной уверенности.

Пока она планирует расстановку мебели, я задумываюсь над последним ее вопросом. Ирину волнует, скорее даже не волнует, а просто по-девичьи интересуется, могущественней ли СОС, чем «Феррейн». Она спросила, чтобы убедиться в том, служит ли любимый ею человек в еще больше уважаемой компании, чем она себе это представляет. Сейчас, когда она убедилась, ее интерес исчерпан, и она уже там, в главной комнате, где есть кровать из массива дуба и две тумбочки по обеим ее сторонам.

Я сомневался, интересно ли будет работать в организации, производящей лекарства. Сам я никогда ничем не болел, а потому отнесся к теме философски. Ну, пригласили бы меня на большие деньги в другую компанию, производящую йогурты, мне что, там было бы интересней? Что вообще меня волнует? Меня волнует футбол и хоккей. Но в России нет компании, производящей классных игроков, где мне было бы работать интересно. Значит, нужно соглашаться на то предложение, где больше платят. Все не то, чем кажется. Работая в компании по производству моторных масел, можно находиться в стороне от масел. Защищая интересы корпорации, занимающейся производством «Фанты», можно ни разу не войти в цех, где воду смешивают с красителем. Сам процесс производства, равно как и рекламы, равно как и прочего, на чем стоит создание товара, одинаков по своей сути. Разница лишь в рекламе. Все остальное: процесс приготовления, схема контактов, работа с поставщиками и распространение – едины для всех. И для компании, производящей йогурты, и для компании, снабжающей задепрессированное реформами население лекарствами. «Нанеси боли ответный удар!», «Вы не понимаете! – Еще как понимаю!».

Все, что вкладывается в ротовую полость с целью заправки организма, поступает внутрь человека по давно заведенным правилам. Чтобы таблетке оказаться во рту, тысячи людей должны не спать ночами, ходить в суд, говорить на планерках и ломать мозги над рекламой. Запрограммированный народ отказывается жрать то, что не показывают по ТВ. Зато то, что по ТВ показали, он будет жрать до тех пор, пока не упадет, а онкологи не выяснят, что это было вредно для здоровья. Мне даже думать об этом не хочется. Весь этот процесс производства и партнерских отношений вызывает у меня изжогу, я ненавижу бизнес, меня увлекает право, а потому клянусь отныне рассуждать здраво и думать только о юридических проблемах СОС.

Еще не все кончено. Будут еще и проверки на вшивость, и наезды с целью проверить крепость хребта. Поскольку юрист я способный, на сковороду меня никто ставить, конечно, не будет. Но на балалайке пару раз все-таки сбациают. Никаких проблем, я готов. За десять тысяч евро плюс проценты от выигранных в судах дел я готов эти пару раз пройтись вприсядку под «Комаринскую». В необходимости этого меня убедил один мой знакомый, с коим я имел

честь выпивать перед самым выпуском. Мы сидели в каком-то тухлом кабачке, он постоянно озирался с брезгливой улыбкой, словно находился в постоянной готовности встретить изумление по поводу его нахождения здесь на лице у кого-то из знакомых, и излагал мне непростые истины:

– Ты думаешь, твоя жизнь очертится, как только ты застолбишь место? Даже не думай. Ты живешь, пока еще тобой не заинтересовались скауты или пока ты еще сам не пришел с дипломом. Как только имя твое впишется в штат, ты пропал.

У него была квартира где-то на Моховой, крутая тачка, и слова его я до поры воспринимал как капризы отхватившего от брюха жизни кусок фарта.

– Я смотрю на тех, с кем работаю, и меня съедает тоска по тем временам, когда никто не знал, что такое мерчендайзинг или гламур. Что такое мерчендайзинг или гламур и сейчас никто толком не знает, но вера уже принята. Тысячу лет назад никто не знал, почему гремит гром и льется дождь, а потому просто ставили истукана и объявляли его хозяином грома и дождя. Не нужно ничего объяснять – есть истукан, и на этом баста. Сейчас те же истуканы, и тоже никто не хочет ничего объяснять. Не потому, что не знает, а потому, что как только до всех дойдет смысл этих понятий, жизнь придется поворачивать. Гламур. Кто-нибудь пробовал давать не бессмысленную характеристику этому коровьему понятию, а краткую и ясную, как хайку? Так я тебе скажу. Гламур – это вызов естественному. А мерчендайзер... это, епт, такая херня, без участия которой ни одной падле ничего не продашь.

– Не очень краткая и ясная характеристика, не так ли? – заметил я. – Хотя от хайку и есть что-то.

Приятель влил в себя остатки пива и навалился на стол.

– Пустая... Пустая, никому не нужная жизнь... движение в вакууме. Отсутствие сопротивления, механический труд, похожий на работу вибратора. Тьма. Кулисы... Порожняк, гонимый от одной конечной станции к другой. Ты юрист, и я юрист, и однажды мы с тобой встретимся в суде, и как авгуры, вешая лапшу на уши прокурорам, собственным клиентам и судьям, будем изо всех сил сдерживаться от хохота, узнавая друг в друге лжецов. Ты поймешь, о чем я, когда через несколько лет, а учитывая твой интеллект, быть может, и через пару месяцев, спросишь себя, во имя чего, как и для кого ты прожил эти два месяца, а быть может, и несколько лет... – Он подозвал официанта, попросил еще пива и пустым взглядом уставился в стол. – И когда поймешь, что ответ прост и от него внутри твоей пустоты свищет ветер, ты догадаешься, что однажды в загаженном кабаке твой приятель был очень близок к истине... очень близок... Я хочу еще выпить.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.